

Долина надежды

Роджеру Лоу, с любовью

*Посвящается Мишель, Нильсу, Бо и Поппи
Брайан-Лоу, а также Касселю Брайан-Лоу, Джонни и
Джейку Хорсменам*

Пролог

Лондон, 1754 год

Ближе к вечеру солнечным июльским днем бригантина «Бетси Уиздом», битком набитая пассажирами, направляющимися в Вирджинию, отдав паруса, тяжело вышла с отливом из доков Биллингсгейта в Темзу, кишашую большими и малыми судами, и принялась протискиваться меж яликами паромных перевозчиков и драпированными бархатом прогулочными баркасами состоятельной публики, держа курс на Блэкуолл. Мимо проплывали дома купцов и знати, которые величественно возвышались по обоим берегам реки, щедро разбавленные убогими лачугами, теснящимися у самой воды. Скользнув

мимо здания таможни, она оставила позади бурлящий водоворот грязных улочек и переулков Лондона, его карманников, проституток и попрошаек, законников и стряпчих в Темпле, государственных мужей в Уайтхолле, военных врачей, цирюльников и поэтов, гильдейские собрания, рынки, суды и театры. Шпили лондонских церквей становились все ниже, и перезвон их колоколов таял вдали. Вот над Дагенхэмскими болотами встали башни Истбери-Манора, сверкая в лучах заходящего солнца, а «Бетси Уиздом» все так же шла мимо и мимо, направляясь к Кенту и дельте Темзы, за которой лежало открытое море.

В устье реки бригантина подняла паруса и поймала северо-восточный ветер, который и вынес ее в Северное море, где она совершила поворот оверштаг и взяла курс на юг.

Но летний бриз был порывистым и недостаточно ровным, чтобы благополучно вывести судно в Ла-Манш. Спокойное начало плавания вселило ощущение уверенности у пассажиров, но моряки вполне отдавали себе отчет в том, какие опасности поджидают их впереди. После Плимута, когда бригантина повернула сначала на юг, а потом на запад, выходя в Атлантику, они то и дело с опаской поглядывали на горизонт. Все они, от капитана до последнего юнги, испытывали чувство

тревоги и беспокойство из-за того, что «Бетси Уиздом» отправилась в столь дальний путь одна, а не в составе конвоя. Одинокий корабль мог стать легкой добычей для пиратов. Мавры-корсары, рыщущие вдоль северного побережья Африки от Туниса до Алжира, внушали не меньший страх, чем их христианские собратья по ремеслу, промышлявшие разбоями в окрестностях Мальты. Все они без раздумий нападали на английские, французские и испанские суда, захватывали груз, а пассажиров и экипаж продавали на невольничьих рынках Северной Африки. Особенно ценились белые рабы.

Но даже если им удастся ускользнуть от пиратов, то погода в августе славилась своей печальной непредсказуемостью — сейчас море выглядело мирным, как прибрежные воды Англии, которые они только что оставили за кормой, но в Атлантике яростный шквал мог налететь с ужасающей внезапностью. Однако капитану «Бетси Уиздом» не терпелось совершить обратный рейс до того, как зимние штормы сделают переход через Атлантику еще опаснее. При этом на обратном пути он рассчитывал доставить в Англию груз табака, настолько ценный, что ради доли в прибыли готов был пойти на любой риск. Спрос на табак в Европе рос не по дням, а по часам.

На подходе к Канарским островам вахтенные

заметили на горизонте три шхуны и подняли тревогу, но те прошли мимо. Судя по координатам точки встречи, капитан решил, что это корабли работорговцев, везущие невольников из Западной Африки, а не пираты.

Но облегчение, которое испытали моряки, оказалось кратковременным. Уже к полудню солнце сначала потускнело, а потом и вовсе скрылось за стальными тучами. На море поднялось сильное волнение. Легкая голубая рябь сменилась серыми валами, увенчанными шапками пены. Ветер усилился. Матросы поспешили взять рифы у парусов, и «Бетси Уиздом» задрожала под ударами огромных волн, то взбираясь на высокие водяные горы, то проваливаясь между ними в пропасть взбаламученной воды. Стоны и скрипы обшивки заглушили вой ветра, и вскоре начало казаться, будто корабль вот-вот развалится на части. Но, раскачиваясь с носа на корму и содрогаясь под ударами волн, обрушивающихся на палубу, бригантина каким-то чудесным образом сохраняла устойчивость и выдерживала курс, подгоняемая человеческой жадностью — силой, которая превосходила даже стихию.

Ошеломленным и насмерть перепуганным пассажирам оставалось только страдать, терпеть и молиться. Дочь пэра и ее спутница смогли позволить себе роскошь испытывать жесточайшие

приступы морской болезни в уединении крошечной сырой каюты, где обе женщины из последних сил удерживались на узенькой деревянной койке, чтобы их не швыряло, подобно тряпичным куклам, в такт дикой качке. Прижимая ко лбу носовые платочки, смоченные лавандовой водой, они старательно читали по памяти псалмы, дабы утешить друг друга.

А внизу темный, кишасый крысами трюм был битком забит преступниками и бедными семействами, которых перевозили к новому месту назначения по щиколотку в вонючей воде, насквозь промочившей их жалкие пожитки. Их тошнило от качки, они боялись утонуть и чувствовали себя столь же беспомощными перед бурным морем, сколь были бессильны перед лицом властей и толстосумов на суше. Сама Смерть пришла к ним под видом цинги и дизентерии. Дети пали ее первыми и самыми легкими жертвами, поскольку оказались наименее приспособлены к сырости, тесноте и антисанитарии — тухлой говядине и заплесневелым галетам, зловонной питьевой воде, бесконечной рвоте и поносу, спазмам и головокружению, язвам во рту и вшам. Но когда кошмарные дни и ночи слились воедино, став неразличимыми, пресытившаяся Смерть обратила свой взор и на взрослых, выжидая последнего мгновения слабости и отчаяния, когда жажда жизни

угасает, чтобы схватить жертву покрупнее. Мертвецов выбрасывали за борт, даже не завернув в саван и не прочитав поминальной молитвы. А живым оставалось раскаиваться в выборе, который они сделали, отправившись в путь, оплакивать своих детей, опускающихся в океанскую пучину, чтобы стать кормом для рыб, да страстно тосковать о тяготах, оставшихся позади. Но «Бетси Уиздом» плыла дальше, как казалось, прямо черту в зубы, оставляя за собой кильватерный след из трупов и увозя живых в Новый Свет, где их ждала неведомая участь, за которую они столь дорого заплатили.

Для тех, кто выжил, плавание продлилось восемь недель.

Глава первая

Сент-Джеймский дворец

Лондон, январь 1751 года

Это был первый официальный салонный прием в новом году, и завзятые светские модники Лондона и те, кто только собирался стать таковым, собрались вместе, дабы провести промозглый зимний вечер в обществе друг друга. Единственным необходимым условием было наличие вечернего

туалета — платья-манто и юбки на китовом усе для дам, тогда как мужчины обязаны были надеть парик, украшенный золотой или серебряной нитью костюм, тонкие чулки, шпагу и церемониальную шляпу с плоской тульей, которую полагалось держать под мышкой в знак того, что ни один из них не покроет голову в присутствии монарха. Вся эта пышно разодетая публика набилась в большой салон Сент-Джеймского дворца, откуда постепенно рассредоточилась по игорным комнатам, танцевальным залам и буфетным.

Они явились выказать уважение королю, ведь некоторые из них отчаянно стремились подобраться поближе к трону, чтобы привлечь к себе внимание, вымолить милость, место и повышение по службе для себя или своих родственников. Они пришли, чтобы встретиться со знакомыми, послушать последние сплетни о кронпринце, повидаться с любовниками или возлюбленными, потанцевать, выпить пунша и сыграть в карты. Они искали любую возможность выделиться и возвыситься, установить или улучшить отношения с влиятельными персонами и вообще приятно провести время.

В этот вечер особенное внимание обращала на себя стайка взволнованных, заметно нервничающих молоденьких девушек в самом расцвете невинной девичьей красоты, в новых платьях, украшенных

лентами и оранжерейными цветами. В компании родственников мужского сословия либо покровительниц женского пола они ожидали случая быть представленными при дворе и официально принятыми королем Георгом II и его дочерью, принцессой Амелией.

Одной из них была красавица София Графтон, опиравшаяся на руку отца, виконта Графтона; по другую сторону от нее стояла ее крестная мать, леди Бернхэм. Подобное представление служило своего рода уведомлением, что отныне юная девушка имеет полное право официально появляться в обществе и быть принятой при иностранном дворе, но все прекрасно понимали, что это был и сигнал о том, что она достигла брачного возраста.

Софию, которой четыре месяца назад исполнилось шестнадцать, естественно, интересовало замужество, но исключительно в абстрактном, отвлеченном смысле, так сказать. Брачный союз представлялся ей отдаленным, скучным и, скорее всего, неизбежным будущим, неразрывно связанным с чувством долга и необходимостью иметь детей. В данный момент он интересовал ее куда меньше тех непосредственных перспектив, что открывались перед девушкой, вступающей в высшее общество. Выход в свет означал главным образом возможность посещать

балы, о чем она мечтала вот уже много лет. Балы же сулили романтические увлечения, опять-таки в самом общем смысле, ибо не имели ничего общего с реальным замужеством, зато подразумевали красивые платья, музыку и бальные залы, переполненные молодыми людьми, добивающимися права танцевать с нею. И если некоторые из молодых женщин, занимающих то же положение, что и София, предвкушали замужество как средство для обретения свободы после того, как произведут на свет наследника, то сама София подметила, что свобода жены зависит от прихоти мужа. Последний имел право ограничить свободу супруги так, как ему заблагорассудится. Лорд Графтон был любящим отцом, и София, не питая особенного интереса к кому-либо из молодых людей, вовсе не спешила обменять столь щедрого и благожелательного родителя на совершенно непредсказуемого супруга.

Удостоверившись, что София наконец-то обрела здравый смысл и благопристойность, усвоив заодно и правила приличия, кои он столь старательно стремился привить ей, лорд Графтон и впрямь предоставил дочери большую свободу. Его друзья предостерегали его, что шестнадцать лет — трудный возраст, когда девушки с большой охотой воображают, что влюблены. Однако лорд Графтон полагал, что сей этап взросления Софии, сколь бы

бурным он ни был временами, уже благополучно пройден и остался в прошлом. Красавица София обладала острым и практическим складом ума. Она не увлекалась чтением романов и еще ни разу не демонстрировала романтической склонности тосковать о каком-либо ослепительном рыцаре на белом коне. И если она с нетерпением ожидала возможности посещать балы — что ж, в ее возрасте это было естественно. Танцы — вполне невинное времяпровождение, и лорд Графтон ничего не имел против них.

Для Софии же появление в королевской гостиной нынешним вечером означало окончательный отказ от скуки и уныния классной и детской комнат, а также строгой гувернантки. Целых четыре года она стремилась к тому, чтобы иметь возможность надеть красивое платье, танцевать в обществе, обзавестись поклонниками и ужинать в поздний час, и эта цель стала для нее самой желанной и долгожданной. Нетерпеливо ожидая, пока шеренга двинется вперед, она вслушивалась в соблазнительные и волнующие звуки музыки, долетающие из бальной залы, и мысленно подталкивала девушку впереди себя, чтобы та поторапливалась. Софии казалось, будто перед нею вот-вот распахнутся врата рая, и задержка буквально выводила ее из себя.

Глаза ее сверкали, пока она упивалась

броским великолепием общества, частью которого ей довелось стать сегодня вечером: блеском драгоценностей; тяжелыми ароматами духов и пудры, которые забивали куда более неприятные запахи; элегантными крошечными мушками черного атласа и высокими прическами светских модниц; морем изысканных тканей, натянутых на широкие обручи юбок из китового уса; корсажами, вырезанными столь искусно, что едва удерживали пышные груди; цветастыми поясами и кушаками, жилетами и прочими декоративными украшениями, кои носили мужчины; случайными росчерками военных мундиров; ливреями лакеев; париками, кружевными манжетами и оборками; веерами, которые закрывались и вновь раскрывались, передавая тайные кодированные послания влюбленным, — всей той роскошью и богатством, что царили повсюду!

Нынче вечером София чувствовала себя в ударе и, поглядывая на других девушек и признанных модниц, уверилась в том, что ее платье было самым красивым, хотя ради него ей пришлось выдержать битву со своей крестной матерью. Чопорная и прямолинейная леди Бернхэм, вырядившаяся в древний черный атлас, хотя и украшенный полагающимися широкими юбками и кружевными оборками на локтях, после смерти супруга обратилась в ярую евангелистку. С пылом,

несвойственным ее классу, она окунулась в чтение Библии, погрузилась в деятельность миссионерских обществ и занялась добрыми делами для бедняков. Она категорически не одобряла все фривольное, включая выход девушек в свет, шикарные платья, презентации, увеселительные прогулки, пьесы, балы и все прочее, что отвлекало их внимание от проявлений духовного начала, достижения высоких целей или благотворительности. Она не покладая рук трудилась над религиозным пробуждением Софии, в чем, правда, не достигла видимых успехов.

Тем не менее, невзирая на отвращение к легкомысленному времяпрепровождению и собственную озабоченность духовным благоденствием Софии, леди Бернхэм сочла своим долгом сопровождать девушку нынче вечером вместо ее покойной матери, поскольку лорд Графтон категорически настаивал на том, чтобы его дочь, последний представитель рода Графтонов, была официально представлена высшему обществу. И хотя сама леди Бернхэм не видела в этом решительно никакой необходимости, она все же согласилась, пусть и неохотно, что титул налагает на его носителя определенные обязательства, и посему на время отложила в сторону собственные предубеждения. Она сочла, что, как только София выйдет в свет, ее отец сосредоточится на том,

чтобы поскорее устроить дочери подобающий брачный союз, а затем, удалившись после замужества в деревню, София окажется вне досягаемости непристойных соблазнов высшего света и ступит на куда менее искушающую стезю добродетели в Сассексе. Леди Бернхэм сама росла и воспитывалась в деревне, придерживаясь твердого мнения, что там обрести благочестие куда легче, нежели в Лондоне.

Итак, леди Бернхэм, несмотря на полное неприятие тщеславного и фривольного времяпрепровождения, из собственного опыта прекрасно знала, какими должны быть манеры и официальное платье девушки, впервые вступающей в королевский салон или гостиную. На протяжении нескольких лет она была фрейлиной покойной королевы Каролины, а после этого — принцесс королевской фамилии, вследствие чего могла наставить Софию в ее приготовлениях. Но в обмен она заявила, что может наложить вето на любое платье, которое сочтет чересчур откровенным. К вящему унынию Софии, леди Бернхэм отказалась санкционировать модный низкий вырез, который выставлял на обозрение всю грудь, а заодно настояла на том, что венецианская карминовая парча, расшитая черной тесьмой и украшенная черными же лентами, которая так пришлась по вкусу Софии, была решительно неподходящей для

юной девушки.

Вынужденная отказаться от венецианского кармина, София попыталась было выторговать взамен дозволение на использование макияжа. Губная помада и нечто вроде белил на лице считались отличительными признаками светской львицы, и если уж София полагала скромность своего декольте старомодно девической, то макияж должен был придать ей искусственный и зрелый вид. Как и следовало ожидать, подобная просьба подвигла леди Бернхэм на одну из ее нотаций.

— Макияж! — пришла она в настоящий ужас. — Поистине развращенное тщеславие. Немало красавиц погубили свои души ради красно-белого цвета лица. Не забывай, София, что Иезавель была *размалеванной* блудницей! И помни о том, какой конец ее постиг — ее сожрали собаки. Твоя мать никогда не прибегала к румянам. Усвой этот урок и удовлетворишься тем цветом лица, который даровал тебе Господь.

София даже покраснела от негодования.

— Давайте оставим в покое Иезавель! Это было сто лет тому! А сейчас никто и слыхом не слыхивал о том, чтобы красивую леди разорвали собаки, — с вызовом заявила она.

Утром, накануне своего первого выхода в свет, она отправила горничную за пудрой, губной помадой и осветлителем кожи. Ей доводилось

слышать, что макияж может оказаться ядовитым, поскольку пудру изготавливали из свинца, а цвет лица оживляли мышьяком, но в столь торжественный день она хотела выглядеть как можно лучше и потому сказала себе, что капелька румян ей ничуть не навредит. Девушка сочла, что отец будет так поражен и восхищен ее преображением, что отринет любые возражения, кои наверняка выдвинет леди Бернхэм. Она постаралась надежно спрятать те интригующие и волнительные маленькие баночки, которые ее горничная приобрела у одного знаменитого цирюльника.

Тем вечером, после того как волосы ее были уложены и ей осталось лишь надеть платье да материнские украшения, она отослала горничную прочь. Вытащив баночки из-под стопки носовых платков, она придвинула свечи поближе к зеркалу, после чего принялась наносить белила по всему лицу, шее и плечам, там, где они не будут прикрыты платьем. Затем она взяла тампон испанской шерсти и стала втирать в щеки румяна, а в завершение прикрепил маленькую атласную мушку в форме сердечка в уголке губ. Леди Бернхэм предупреждала ее, что эти прелестные маленькие штучки служили явными признаками обмана и имели целью скрыть следы оспы. Но София полагала их вершиной элегантной

искушенности, а расположение мушки в уголке губ означало «Поцелуй меня!».

Отступив на шаг от зеркала, она принялась обозревать плоды своих усилий, надеясь, что отец будет настолько восхищен произошедшей с нею трансформацией, что его восторг заставит умолкнуть леди Бернхэм. А все молодые люди непременно обратят на нее внимание и выстроятся в очередь, чтобы потанцевать с нею...

— Ой! О боже! — пролепетала она. Из зеркала на нее смотрело невероятное и незнакомое ей существо. Ее щеки, обыкновенно гладкие и розовые, чудесным образом не пострадавшие от легкой формы оспы, которую она перенесла в раннем детстве, горели жарким чахоточным румянцем, выделяясь, словно переспелые яблоки, на мраморно-белом личике. Красота, несомненно, требовала светлой кожи, но... неужели она должна быть настолько белой? Ее карие глаза, опущенные длинными ресницами, в сочетании с густыми, ровными бровями напоминали черные дыры. Впрочем, этот недостаток она намеревалась исправить с помощью уловки, к которой, по слухам, прибегали знаменитые красавицы, сбрасывавшие брови начисто, а потом закрашивавшие их белилами и приклеивавшие на их место накладные брови из мышинной шкурки, изогнутые самым привлекательным образом. Она заранее

приготовила бритву и разложила на носовом платке коротенькие полоски мышиной шкурки, но теперь задалась вопросом, а действительно ли дохлая мышь сделает ее красивее? При взгляде на волосатую шкурку грызуна девушку вдруг передернуло от отвращения. Пожалуй, нет. И она отложила бритву.

София вновь уставилась на свое отражение, стараясь отыскать сходство с молодыми светскими модницами, коими она восхищалась, катаясь в парке, или блестящими куртизанками в бриллиантах и роскошных экипажах, привлекавших к себе восхищенные взгляды везде, где бы они ни появлялись, хотя леди Бернхэм лишь негодуяще фыркала и обливала их ледяным презрением. Говорят, что все они были накрашены. Так почему же она сейчас ничуть на них не похожа? Она попыталась убедить себя, что это не так, но потом здравый смысл все-таки взял верх, и София нехотя вынуждена была признать, что выглядит лихорадочно больной и изможденной, как те женщины, что исподтишка зазывали мужчин в темные уголки на улицах. Она вдруг усомнилась, что отец придет в такой уж восторг, а что касается леди Бернхэм... Вздохнув, девушка подошла к умывальнику и принялась смывать белила и румяна. Затем она опустошила содержимое баночек в ночной горшок, а мышинные брови швырнула в

ОГОНЬ.

Но хотя бы в отношении бального платья она с леди Бернхэм достигла удовлетворительного компромисса. После долгих споров и даже одного громкого скандала, уговоров и мольбы, которые могли бы повергнуть в изумление и недоумение лорда Графтона, леди Бернхэм одобрила повторный выбор крестницей ткани и цвета, хотя по-прежнему полагала их нарочитыми и вызывающими.

И теперь, заняв свое место в ряду придворных, София не смогла отказать себе в удовольствии вновь окинуть свой наряд оценивающим взглядом, дабы лишней раз убедиться в том, что выглядит столь же привлекательно, как она и рассчитывала, когда выбирала его. На платье ушло несколько ярдов восхитительного бледно-голубого атласа из Спиталфилдза, расшитого серебряной нитью, переливавшейся в сиянии свечей, и широкой каймой по подолу. Оно получилось чудовищно дорогим — леди Бернхэм даже всплеснула руками, услышав, сколько оно стоит, — но цена не имела решительно никакого значения, удовлетворенно подумала София. Она получала щедрое содержание на наряды, а цвет необычайно был ей к лицу. Разгладив желтую атласную нижнюю юбку, столь прелестно контрастировавшую с небесной голубизной платья, она довольным взглядом

окинула кружевные оборки, перехваченные большими бантами у локтей, и поправила жемчужное ожерелье, принадлежавшее ее матери. Девушка легонько тряхнула головой, чтобы ощутить приятную тяжесть украшенных бриллиантами сапфировых сережек, также принадлежавших матери, и те внушительно колыхнулись в ушах. Волосы ее, дабы выставить их в наилучшем свете, были уложены в красивую прическу. После этого она вновь проверила, на месте ли китайский веер из разрисованной слоновой кости, который был прикреплен к тонкой золотой цепочке у нее на поясе.

— Соберись! И перестань прихорашиваться! — прошептала леди Бернхэм. — А то ведешь себя как попугай.

София вздохнула и попыталась придать себе вид спокойного достоинства, как у крестной матери. Нет, но какое же все-таки замечательное у нее платье!

Впрочем, по сравнению с остальными приготовлениями к своему первому выходу в свет, выбрать подходящее платье оказалось легче всего. София брала уроки танцев, этикета и хороших манер. Ее научили правильно обращаться ко всем, начиная с епископов и заканчивая посланниками при королевском дворе, равно как и ориентироваться в табели о рангах. Она могла

поддерживать беседу, пусть медленно, зато правильно, на французском и итальянском. Ее обучение включало и чтение газет, дабы она была в курсе самых последних и важных новостей. Лорд Графтон питал стойкую неприязнь к дурно осведомленным, пустоголовым женщинам, не разбирающимся в текущих событиях и не умеющим достойно поддержать беседу.

И самое главное, София овладела искусством ношения своих новых взрослых нарядов.

Труднее всего пришлось с платьями-манто. Они имели возмутительно широкую юбку-криолин, которая требовала исключительно бережного с собой обращения при нахождении в запруженной людьми комнате и к тому же была очень тяжелой из-за огромного количества ткани. Приходилось ступать не слишком быстро, иначе платье могло запросто привести к потере равновесия. Еще труднее было подниматься по ступеням. Практикуясь дома в своем платье и туфельках на высоком каблуке, София несколько раз больно падала с лестницы, но упорно поднималась и начинала все заново. Она научилась протискиваться боком в юбке-криолине через узкие двери, делать крошечные элегантные шажки, чтобы обручи не раскачивались, словно церковный колокол, в который колотит пьяный пономарь, и изящно располагать ее вокруг себя, путешествуя в

экипаже. «Вы должны чувствовать себя бабочкой, складывающей крылья, — наставлял ее учитель танцев, — а не коровой, устраивающейся поудобнее в грязи».

Девушку научили элегантно приседать в реверансе. Хотя София ожидала, что книксен станет самой маленькой из ее проблем, леди Бернхэм заставляла ее снова и снова приседать в новом платье. «Тебе наверняка придется проделывать это на протяжении всего вечера, — предостерегала она девушку. — Это на удивление утомительное занятие».

Оказавшись в обществе, София также могла справиться с критическими положениями личного свойства. Сюда входило умение изящно справить нужду в ночной горшок, искусно укрытый под платьем, чтобы никто ничего не заметил, или же, в случае крайней необходимости, в подкладное судно, зажатое между бедрами. Впрочем, София надеялась, что до этого не дойдет. Она практиковала этот навык в ночной сорочке, но занятие оказалось чрезвычайно трудным. Страшно подумать, что будет, если она промахнется и из-под ее юбки растечется совсем не элегантная лужа. Дабы избежать подобных неприятностей, девушка ничего не пила с самого завтрака в надежде, что если она не будет пить до тех пор, пока не вернется домой, то наверняка продержится.

Затем возник вопрос с ее новыми туфельками на высоком каблуке. Премиленькие, с хрустальными пряжками, то и дело посверкивавшие острыми лучиками, когда изящный атласный носок выглядывал из-под подола, они требовали величественной поступи. Бóльшую часть своей жизни София предпочитала передвигаться быстро и стремительно, но теперь вынуждена была напоминать себе о необходимости выступать чинно и медленно.

Когда вереница гостей двинулась вперед, София принялась еще раз мысленно перебирать все, что должна и чего не должна была делать. Их очередь неумолимо приближалась. Ее бы наверняка пробрала нервная дрожь, не будь она настолько туго затянута в корсет, что ей было практически нечем дышать.

— Наконец-то, — прошептал лорд Графтон. — Ты следующая.

София нервно покосилась на него, но он в ответ лишь ласково потрепал ее по руке.

И тут были объявлены их имена: виконт Графтон, леди Бернхэм и почтенная София Графтон. София прошептала про себя коротенькую молитву о том, чтобы ничего не напутать, не споткнуться и не упасть на пол, получив заслуженный упрек от рассерженного короля, который, как ее предупредили, был ярым

сторонником соблюдения этикета вплоть до мельчайших тонкостей, легко терял интерес к окружающим и отличался некоторой бесцеремонностью манер. Она воинственно выпятила подбородок, словно отправлялась на смертный бой. Они поднялись по ступеням и там, прямо перед собой, увидели сидевших на возвышении короля и принцессу Амелию.

По сигналу камергера София сделала пять осторожных шажков вперед, держась между отцом и леди Бернхэм. На подобающем расстоянии от членов королевской фамилии она медленно присела в реверансе. Король, имевший довольно угрюмый вид, пробормотал что-то нечленораздельное, и это с равным успехом можно было принять как за любезность, так и за пожелание убираться с глаз долой. Принцесса Амелия улыбнулась и поманила ее к себе. София приблизилась и преклонила колени, помня о своей юбке.

Сколько бы знаменательным ни было представление, оно оказалось очень кратким и быстро завершилось после того, как принцесса поцеловала Софию в лоб и любезно заметила что-то насчет того, как она рада наконец-то увидеть при дворе дочь лорда Графтона. Но потом, к неопишуемому ужасу Софии, король пролаял какой-то вопрос со своим гортанным германским акцентом, сказав нечто вроде:

— Ха! Говорят, что в наши дни дамы все как одна бринялись бисать стихи¹. А вас интересуют боэты и боэзия, мисс Графтон?

Софии показалось, будто она расслышала обвиняющие нотки в его тоне, и принялась лихорадочно думать над тем, что он имеет в виду под «боэзией».

К королю не подобало обращаться с вопросами «Что?» или «Прошу прощения?».

Ее отец, к счастью, предвидел, что она может столкнуться с непонятным вопросом, и в таком случае посоветовал ей отвечать следующим образом: «Если так будет угодно Вашему Величеству, то да, но ровно в той степени, в коей мой батюшка полагает это позволительным». Король, похоже, вполне удовлетворился ее ответом и кивнул. София с облегчением поднялась с колен, трижды присела в полагающемся реверансе и осторожно попятилась подальше от членов монаршей фамилии, заняв прежнее место между отцом и крестной матерью.

Как только они вышли из зала аудиенций, леди Бернхэм сочла свой долг исполненным. Отправив ливрейного лакея за своим слугой в

¹ Король, будучи немцем по рождению, путает звуки «б» и «п». (Здесь и далее прим. перевод., если не указано иное.)

помещение для прислуги, дабы тот кликнул ее портшез, она поцеловала Софию, пожелала ей доброй ночи и отправилась домой.

София же дернула отца за рукав: ей не терпелось поскорее оказаться в бальной зале. Двери в нее были распахнуты настежь, и оттуда доносились чарующие такты французского танца, а сама комната была переполнена. Ах, как же ей хотелось танцевать! Она внимала каждому слову своего учителя танцев. София снова и снова практиковалась в менуэте, аллеманде и кадрили, а потому буквально загоняла и своих учителей, и гувернантку, и экономку, и служанок, чтобы они помогли ей освоить фигуры контрданса, в результате чего ее домашние вполне сносно научились исполнять его. Она даже пробовала танцевать в вечернем платье.

Впрочем, их продвижение сквозь толпу гостей оказалось мучительно медленным из-за многочисленных знакомых лорда Графтона, поскольку то один, то другой из них останавливал его, чтобы раскланяться, представиться Софии или обменяться мнениями по поводу государственных вопросов, недавнего выхода в отставку лорда Графтона и заметить между делом, как расстроен был король, лишившись своего специального дипломатического посланника и советника. И все они окидывали Софию оценивающим взглядом.

— Значит, это и есть та самая молодая леди, которая исполняет обязанности хозяйки вашего дома, сэр! Да-да, нам говорили, сколь очаровательными бывают ваши приемы. Вы делаете честь своему отцу, дорогая.

София, словно заведенная, приседала в реверансе и благодарила их, в глубине души искренне желая, чтобы отец наконец перестал болтать.

— Папа, прошу тебя, будь краток! Этак и танцы скоро закончатся! — нетерпеливо шептала она.

Когда же они в конце концов добрались до бальной залы, хозяйка приема, сверкая бриллиантами, тут же заприметила виконта и, воскликнув, как давно она в последний раз видела его на балу, протянула ему руку для поцелуя.

После того как лорд Графтон представил их друг другу, София вновь присела в реверансе, чувствуя, как платье становится все тяжелее, когда ей в очередной раз приходится сгибать колени. Хозяйка просияла и незамедлительно предложила взять Софию под свое крыло, дабы предоставить лорду Графтону возможность без помехи пообщаться с друзьями или сыграть в карты. Она также попросила разрешения представить ей своего племянника, высокого молодого майора гвардии. Лорд Графтон соблаговолил дать свое позволение,

и офицер тотчас умыкнул счастливую Софию, пригласив ее на танец под любопытствующие взгляды, сопровождавшие пару, которая поспешила занять свое место на танцполе.

подавив улыбку, лорд Графтон потихоньку отошел в сторонку, ибо знал, что ничто не вызывает такого интереса на балу, как новое симпатичное личико. Он заметил, как хозяйка что-то шепчет на ухо своей подруге, показывая на Софию. Уже через несколько танцев его дочь займет полагающееся ей место среди гостей, что устраивало лорда как нельзя лучше. София официально достигла брачного возраста, и лорд ничуть не сомневался, что в самом скором времени дом Графтонов вернет себе былое величие, на что он надеялся и о чем мечтал.

Вскоре по бальной зале распространилось известие о том, что девушка в голубом переливающимся платье — дочь виконта Графтона, и София моментально превратилась в объект самого пристального интереса. Семья была старинной и известной, а лорд Графтон обладал и внушительным состоянием, и большим влиянием, в течение многих лет оставаясь доверенным советником короля по иностранным делам. Острый ум, энциклопедические знания и дипломатическое искусство сделали лорда неопределимым посланником и переговорщиком, вследствие чего, несмотря на

свою недавнюю отставку, люди продолжали искать его совета и покровительства.

Привлекательный мужчина шестидесяти лет, лорд Графтон оставался вежливым и обходительным со всеми, проявляя особенную галантность по отношению к женщинам, хотя и сохранял при этом некоторую отстраненность в общении с представительницами слабого пола. Незримая аура трагедии выделяла его среди прочих, поскольку всем было хорошо известно, что сердце его умерло в тот день, когда он похоронил свою прекрасную молодую супругу, леди Кэтрин, скончавшуюся при родах через несколько лет после свадьбы.

София была единственным ребенком в их браке и наследницей всего состояния Графтона, так что слухи о размере ее приданого с каждым часом придавали ей все большее очарование. Она не испытывала недостатка в партнерах: в дальнем конце залы молодые люди осаждали хозяйку бала, умоляя ее представить их девушке.

И лишь зрелые дамы постарше, играющие в вист в игровой зале за стратегически расположенным столом, откуда они могли наблюдать за танцующими, подслушивать разговоры мужчин и обмениваться воспоминаниями о том, насколько живее и веселее бывали приемы во времена неожиданно

скончавшейся королевы Каролины, с удивлением восприняли известие о том, кем является первая красавица вечера. Выразительно приподняв брови, они принялись вытягивать шеи, дабы собственными глазами удостовериться, стала ли она с возрастом походить на свою мать.

Эти пожилые аристократки были близкими подругами леди Бернхэм и теперь крайне сожалели о том, что оказались лишены ее общества на вечерних приемах, поскольку евангелисты полагали танцы, музыку и карты дьявольским искушением. Но в молодости, когда леди Бернхэм еще принадлежала к англиканской церкви, она любила посещать салоны и вечерние приемы вместе со своим супругом. В те времена женщины часто виделись и подруги леди Бернхэм были свидетелями того, как она пыталась исполнить свой долг крестной перед дочерью лорда Графтона, оставшейся без матери. Она не жалела сил, но маленькая София была ужасным ребенком — неуправляемым, грязным, дерзким и избалованным. Не успела она научиться ходить, как заработала у слуг прозвище «дьяволенок». Дамы припомнили, что о ее выходках за границей ходили самые невероятные слухи. Они дурно отразились на лорде Графтоне, но его репутация в глазах короля не пострадала. Его Величество, не особенно жаловавший собственного отпрыска, ограничился

тем, что заметил, что от всех детей без исключения следует ждать одних лишь неприятностей и потому они заслуживают нещадной порки.

— Должно быть, с девчонкой произошли просто чудесные перемены, — сухо заметила одна из играющих в вист. — Молодые джентльмены, которые проходят мимо, превозносят ее в самых лестных выражениях. Очевидно, с небес на землю сошел ангел света во плоти. Такая милая улыбка, столь очаровательные манеры, безупречное воспитание и поведение, воплощенное изящество и красота. Таких, как она, еще не видывали в Сент-Джеймсе.

Ее подруга, триумфально выигравшая очередную партию, не скрывая иронии, добавила:

— Полагаю, ее состояние не имеет решительно никакого отношения к их восторгу. Если вспомнить, как отзывалась о ней крестная, то все могло закончиться куда как печальнее. Но если уж она стала такой достойной молодой особой, то объясняется это исключительно воспитанием и наследственностью. Она — Графтон, и этим все сказано. Хотя и последняя в роду.

Прочие дамы с умудренным видом закивали в ответ, признавая значимость воспитания и хороших манер, как вот у них самих, кои и выделяют женщину среди ей подобных благодаря всевозможным талантам. Последовала очередная

сдача, и они, сравнивая состояния и родословные разных достойных молодых людей, обратились к интригующей теме о том, сколь выгодный брачный союз может заключить София.

— Хотя, насколько я понимаю, замужество мисс Графтон сопряжено с рядом весьма жестких условий, — напомнила одна из собеседниц.

— Совершенно верно. Если мужчина привык к Лондону и Бату, предпочитает охотиться в Шотландии, любит скачки и путешествия, то ему предстоит узнать, что его свобода будет ограничена.

— Человек в зрелом возрасте может оказаться более сговорчивым, нежели зеленый юнец.

— А еще, как мне представляется, поместье Графтонов ныне приносит далеко не такой впечатляющий доход, как раньше. Лорд Графтон привык жить на широкую ногу, совсем как его дед.

— Это может и не иметь особого значения, поскольку благодаря табачной плантации в Вирджинии его состояние значительно увеличилось... Ха! Козыри у меня, сдача моя, и я благодарю вас!

— Да, подарок короля. Кто может сказать, счел ли Его Величество необходимым как-то возместить лорду Графтону те расходы, которые он понес у него на службе, или же это был жест отчаяния от потери одного из немногих советников,

кто отважился говорить ему правду? Смею утверждать, что навыки дипломата в равной мерегодились ему в общении как с королем, так и с французами и австрийцами. Должно быть, он находил подобное занятие чрезвычайно утомительным. Говорят, бесконечные разъезды подорвали его здоровье. Я слышала, что он был весьма удивлен, когда ему сообщили о пожаловании плантации, но едва ли мог отказаться.

— Хотела бы я знать, чего добивался Его Величество. Разумеется, он сделал ценный подарок, поскольку виргинский табак поможет заложить основу *нового* состояния. Но вряд ли король всерьез рассчитывает, что лорд Графтон отправится в Вирджинию!

— Нет, едва ли можно полагать, будто лорд Графтон согласится жить среди негров, дикарей и этих колониальных табачных плантаторов в дурно сшитых панталонах, которых мы иногда встречаем здесь, в Лондоне, и которые выставляют напоказ свои богатства. Один похвается количеством своих рабов и огромными плантациями, другой — тем, сколько фунтов табака потребовалось, чтобы заплатить за новое платье его супруги, и все они дружно стенают о том, что их лондонские агенты и купцы — сплошь жулики и аферисты, коих следует немедленно повесить.

— Колониальные манеры! Отвратительно!

Заклинаю вас, более не напоминайте мне о них! Нет, я ни на миг не могу представить себе лорда Графтона в Вирджинии.

— Я слыхала, что он намерен назначить там управляющего, а доход передать девчонке, когда она выйдет замуж. Любопытно, что условие, которое он выдвинул к ее замужеству, включает запрет на посещение Вирджинии ею самой или ее супругом. Говорят, он опасается разрыва семейных уз и разделения имущества, если их отсутствие окажется слишком уж долгим. Право слово, удивления достойно, как со временем привязался лорд Графтон к своему поместью. А ведь поначалу, когда лорд только унаследовал поместье, он едва ли не забросил его, почти не уделяя ему внимания.

— Лорду Графтону придется постараться, чтобы отвалить всех охотников за приданым. Вы же знаете, как это бывает, когда невеста на выданье настолько богата. К тому же она достаточно красива и похожа на мать хотя бы внешне, если уж не покладистой натурой. Пожалуй, манеры Софии заметно улучшились, иначе даже ее отец не рискнул бы привести девчонку в королевскую гостиную. Условия или нет, но в претендентах на ее руку недостатка не будет, и она не успеет оглянуться, как выскочит замуж. В этом и заключается ее долг. Наверняка крестная мать вбила это в нее крепко-накрепко, ведь дорогая леди

Бернхэм помешана на чувстве долга.

— Истинно так, — пробормотала ее подруга, выразительно закатывая глаза.

— Остается надеяться, что, в отличие от своей бедной матери, девчонка сумеет зачать большую семью, на что явно рассчитывает лорд Графтон. В конце концов, она последняя в роду.

— Да, для нации всегда большая потеря, когда обрываются старинные фамилии. А род Графтонов *очень* стар. Так что теперь все зависит от мисс Графтон. В таком свете выставленные лордом условия вполне можно понять. Благодарю вас, теперь, кажется, моя очередь сдавать?

Глава вторая

Графтоны

Графтоны — старинное семейство, родословная коего в некоторых кругах общества, не говоря уже о мнении самого лорда Графтона, перевешивала даже вопрос их благосостояния. Они вели свой род от бесстрашных норманнских рыцарей, обладавших жутковатой репутацией отчаянных рубак, не лишенных, однако же, практической сметки и стремившихся служить тому, кто был в состоянии достойно вознаградить

их за верность. Еще в одиннадцатом веке они обзавелись обширными поместьями в Сассексе, когда Вильгельм Завоеватель по достоинству оценил заслуги своего верного барона и, по слухам, незаконнорожденного сына Хьюго де Графтона, даровав ему феод, конфискованный у прежних саксонских владельцев. На южном побережье Хьюго выстроил укрепленный замок и пережил нескольких жен, зачав от них множество детей. Будучи человеком безжалостным и амбициозным, он, как говорили, исполнял любые поручения короля, включая убийства нескольких недовольных вельмож, составивших заговор против Вильгельма. Хьюго был удачлив, и состояние его было огромным.

На протяжении нескольких последующих веков де Графтоны процветали и множились, англίζировав свою фамилию в Графтон. Со временем они переселились вглубь материка, где выстроили роскошный манор, и сколотили огромное состояние на торговле шерстью и, по некоторым сведениям, благодаря контрабанде на побережье Сассекса. Вместе с финансовым благополучием росло и их политическое влияние. Среди своих сторонников они славились умом и смекалкой, а недоброжелатели отмечали их безжалостность и умение плести интриги. Во времена Тюдоров означенные качества помогли им

оказать короне неоценимые услуги, хотя действовали они крайне искусно, что и позволило им сохранить головы на плечах. Главе клана Графтонов был пожалован титул виконта.

К середине семнадцатого века некогда многочисленная фамилия изрядно поредела. Браки между двоюродными братьями и сестрами стали обычным делом, отчего выживших детей становилось все меньше. Затем разразилась эпидемия чумы, унесшая в могилу многих представителей семейства — и юных, и зрелых, а потом и целое поколение молодых Графтонов сгинуло в гражданской войне в Англии, выступив на стороне роялистов. Заморские авантюры в губительном тропическом климате выкосили некоторых потомков знатной фамилии, прежде чем они успели заключить брачные союзы, в то время как другие не сумели произвести на свет сыновей. Нынешний виконт стал последним представителем семейства по мужской линии, а его единственная дочь, София, была последней, в чьих жилах текла кровь Графтонов.

Будучи младшим из троих сыновей, Перегрин Графтон не рассчитывал унаследовать титул. Вместо него он должен был получить церковный сан. По завету отца вместе со своими двумя старшими братьями он обучался в Винчестере, по окончании которого продолжил учебу в Оксфорде,

тогда как его старший брат вернулся в Сассекс, дабы принять бразды правления поместьем, которое унаследовал вместе с титулом после смерти их отца. Этот брат погиб холостяком во время несчастного случая на охоте.

Второй брат ненадолго пережил его. По воле отца он должен был поступить в военно-морской флот. Но, не питая привязанности к стезе морехода, он предпочел погрязнуть в излишествах и удовольствиях, с юных лет пристрастившись к азартным играм и прочим порочным занятиям, что и свело его в могилу: в возрасте двадцати четырех лет от роду он умер от сифилиса и полного истощения организма.

Таким образом, титул виконта достался Перегрину.

Вплоть до безвременной кончины братьев Перегрин развивал собственный интеллектуальный кругозор, путешествуя по Европе, как делали еще его дед и отец. По традиции в семье из троих сыновей старший наследовал титул, средний шел на флот, а младший становился служителем церкви. Хотя Перегрин и не отличался особой набожностью, церковь как институт привлекала его своим могуществом, а теология вдобавок таила в себе интеллектуальный вызов, посему он ничуть не возражал против того, чтобы по завету отца принять духовный сан. Правда, удалиться от

мирской жизни он не спешил. Наделенный острым умом Графтонов — некоторые недоброжелатели уверяли даже, что он был последним интеллектуалом в роду, — и обладающий природной осмотрительностью и смекалкой, он был обходительным и общительным молодым человеком, начитанным и свободно владеющим пятью языками, словом, мужчиной того сорта, который быстро обзаводится друзьями и становится своим в любом чужеземном городе. Кроме того, Перегрин был наделен дипломатической изобретательностью и коварством, доставшимся ему от предков-интриганов. Пожалуй, именно эти свойства его натуры обеспечили бы ему быстрый рост в церковной иерархии, и он вполне мог бы претендовать на сан архиепископа, останься живы его братья.

Наблюдая за тем, как старший брат погрязает в пучине порока, Перегрин старательно избегал пагубных привычек. В Оксфорде он зарекомендовал себя блестящим студентом и по возвращении из своего большого турне готовился преподавать богословие в этом же университете, когда получил известие о смерти старшего брата и о том, что отныне титул достался ему. Новоиспеченный лорд Графтон с сожалением покинул Оксфордский колледж и вернулся домой, в Сассекс, дабы взвалить на свои плечи

ответственность за титул и поместье.

Впрочем, несмотря на весь свой ум, к подобной задаче он оказался решительно не готов. От прочих вельмож-землевладельцев Перегрин разительно отличался тем, что жизнь в деревне не привлекала его. Он не имел ни малейшего представления о том, как нужно управлять поместьем, чтобы оно приносило доход. По правде говоря, оно попросту прискучило ему, хотя поначалу он и внедрил несколько интересных инноваций. Но все его эксперименты и прожекты обернулись дорогостоящими убытками. Смирившись с тем, что не имеет должной деловой хватки, молодой лорд Графтон передал свое имущество в умелые руки управляющего и с легким сердцем отбыл в Лондон.

Здесь он на некоторое время присоединился к бомонду, но бесцветное праздное существование, когда он поздно просыпался, поздно ужинал и бесцельно убивал время в клубах для джентльменов, быстро набило оскомину. Он не находил себе места и не знал, чем заняться. Он пытался подыскать интересное времяпрепровождение, подобающее молодому человеку его положения. Он любил бывать в судах общего права, где наблюдал за ходом заседаний и процессуальными действиями, а потому решил, что участие в Коллегии адвокатов подойдет ему как

нельзя лучше, и вознамерился стать главным судьей Суда королевской скамьи. Однако старинный друг семьи, лорд Бернхэм, счел, что его таланты заслуживают лучшего применения, и порекомендовал его в качестве многообещающего протеже британскому посланнику в Париже.

Тогда для британской дипломатической миссии наступили нелегкие времена. Отношения Англии и Франции всегда оставались напряженными, но молодой лорд Графтон принял вызов. Учтивый, хорошо воспитанный, обаятельный и остроумный, он умудрялся оборачивать неудобные вопросы на пользу Англии, стремясь с ходу разобраться в обстоятельствах любого, даже самого запутанного дела. Он обнаружил, что жизнь дипломата как нельзя лучше подходит его складу характера, и поэтому вскоре последовали другие дипломатические миссии, продолжавшиеся до тех пор, пока он не достиг ранга дипломатического эmissара по особым поручениям. Лорд Графтон неизменно отправлялся туда, где возникала деликатная ситуация, требующая недюжинной ловкости, дабы обернуть ее на пользу английским интересам, не разрушив при этом дипломатических отношений.

Следуя традиции предков, верой и правдой служивших Тюдорам, лорд Графтон стал незаменим для Ганноверской династии. А это была

нелегкая задача. Немец по рождению, Георг II был тяжелой в общении личностью, переменчивым и раздражительным монархом, питавшим повышенный интерес к международной политике. После смерти королевы Каролины он запоздало осознал, что лишился одного из самых умных и здравомыслящих своих советников, вследствие чего стал все больше полагаться на лорда Графтона, чьи взгляды на внешнюю политику, по мнению короля, зеркально отражали его собственные представления. И уже через несколько лет лорд Графтон отчасти заполнил собой пустоту, образовавшуюся после кончины королевы, и стал самым доверенным источником советов и рекомендаций по дипломатическим вопросам. Поскольку обязанности лорда Графтона требовали его частого присутствия за границей, а во время пребывания в Англии подразумевали необходимость предстать перед королем по первому же его зову, он арендовал роскошный особняк неподалеку от Сент-Джеймса и редко бывал в своем поместье в Сассексе, шутливо замечая, что без него им управляют куда лучше.

Однако по мере того, как шли годы, он все острее сознавал, что пренебрегает своими наследственными обязанностями. Короче говоря, он был слишком занят, чтобы думать о женитьбе, как следовало бы поступить последнему из

Графтонов. И самое главное, он до сих пор не сподобился произвести на свет законного наследника.

В юности он послушно сводил знакомства с целой чередой девушек знатного происхождения в возрасте от двенадцати до двадцати лет, но ни одна из них ему не приглянулась. Он терпеть не мог женщин глупых и недалеких; его супруга обязана была уметь поддерживать разговор. Кроме того, он ценил красоту и изящество. В общем, поиски невесты, сочетающей в себе высокое рождение, красоту, элегантность, добродетель, здравый смысл и хорошее образование, требовали времени. Возьмись он за дело со всем прилежанием, то, несомненно, рано или поздно отыскал бы подобный образец совершенства, но здесь следует отметить, что должного рвения виконт в этом вопросе не проявил.

Еще в молодости он сделал приятное открытие, что нравится женщинам. Это привело к многочисленным связям с прелестницами при иностранных дворах и отнимало у него все время, что оставалось свободным от службы. Впрочем, отношения с женщинами свидетельствовали о его дипломатических талантах, поскольку все эти романы протекали осмотрительно и благоразумно, не вызывая скандалов, и обычно заканчивались таким образом, что впоследствии обе стороны

оставались на дружеской ноге. Лорд Графтон никогда не задерживался подолгу на одном месте. Пожалуй, сей факт мог бы стать препятствием для долговременных отношений, если бы вышеупомянутые дамы уже не были замужем или не достигли бы признанного статуса куртизанок, отказываться от которого ради мужчины, не баловавшего их своим присутствием, они не желали.

Столь приятное положение вещей сохранялось до той поры, пока он не перешагнул черту среднего возраста, по-прежнему оставаясь холостяком. Но тут вдова лорда Бернхэма, прямолинейная и благочестивая фрейлина принцессы Амелии, шокированная безудержной любвеобильностью лорда Графтона, познакомила его со своей молоденькой кузиной и подопечной. Кэтрин Васси была круглой сиротой шестнадцати лет, не имевшей за душой ни гроша и ко двору попавшей из благотворительной школы для сирот из аристократических семейств, в которой обучалась. Леди Бернхэм добилась, чтобы при дворе Кэтрин получила место помощницы фрейлины, и благодаря своей милой непосредственности и целомудренному поведению девушка быстро покорила леди Бернхэм. Лорд же Графтон, привыкший иметь дело с признанными красавицами, поначалу не обратил внимания на

застенчивую юную девушку в поношенном платье, отметив, правда, что она довольно мила.

Несмотря на скромное поведение и невзрачные наряды, Кэтрин стала объектом самого пристального мужского внимания. Ее прежняя жизнь в благотворительной школе была незатейлива и проста до чрезвычайности и состояла главным образом из уроков и посещения церкви. Она надеялась, что служба при дворе даст ей возможность принять участие в редких увеселениях, и поначалу так оно и было. Она обнаружила, что ей постоянно попадаются на глаза молодые мужчины, которые посылали ей подарки и посвящали сонеты. Стихи, в коих экстравагантные сочинители уверяли ее в том, что они чахнут от неразделенной любви к ней, вызывали у Кэтрин улыбку. Однако леди Бернхэм предостерегла ее, что юные девушки, не имеющие состояния, должны остерегаться великосветских молодых шалопаев, чьи сладкие речи куда чаще приводили неопытных девиц к позору, нежели к алтарю. Кэтрин лишь горько вздыхала в ответ. Но она прислушивалась к словам леди Бернхэм и пропускала мимо ушей признания в любви, возвращая адресатам поэмы, сонеты и подарки, которыми осыпали ее мужчины. Она старалась не поддаваться чувству зависти, глядя на прочих помощниц королевских фрейлин — девушек, которые носили красивые платья, ели

сладоcти, зачитывались романами, хихикали между собой в саду и танцевали с теми же самыми молодыми людьми. Кэтрин послушно сопровождала леди Бернхэм в церковь и проводила вечера за чтением вслух проповедей, пока ее наставница вышивала гладью на пальцах в своих скромных служебных апартаментах, скучном и унылом маленьком оазисе в Сент-Джеймсском дворце.

Поведение Кэтрин возбуждало и раздражало молодых повес, преследовавших ее. Однажды ночью, изрядно перебрав вина, они принялись наперебой насмеяться над фальшивой добродетелью девушки, закончив тем, что стали биться об заклад, кто первым получит от нее свое. Вознаграждением победителю должен был стать кошель с соверенами, который они пустили по кругу.

Вскоре как-то вечером Кэтрин шла по темному внутреннему двору, полагая, что спешит на необычно поздний вызов к одной из принцесс. В укромном уголке ее поджидали трое бездельников в масках, которые и послали ей ложный вызов. Выйдя из тени, они набросились на девушку и стали срывать с нее одежду, глумливо похваляясь друг перед другом, что вот сейчас вволю позабавятся с нею, после чего разделят содержимое кошель на троих.

Но поблизости случайно оказался лорд Графтон, собиравшийся отужинать с королем. В ожидании приглашения он расхаживал взад-вперед по длинному коридору, окна которого выходили в тот самый двор, и обдумывал проблему, которую они должны были обсудить за ужином. Но его размышления прервал пронзительный девичий крик. Поспешив на шум, лорд увидел троих мужчин, прижавших к стене молодую девушку. Ярость удвоила его силы. Расшвыряв нападающих в стороны, он громко позвал на помощь. На его голос сбежались лакеи и стражники, причем в тот самый момент, когда негодяи попытались было обнажить шпаги. Но они были слишком пьяны, чтобы оказать сопротивление, и, когда с них сорвали маски, принялись слезливо уверять, что это была всего лишь шутка. И только после этого лорд Графтон сообразил, что несчастная девушка, прижимающая к груди разорванное платье, с растрепанными волосами и синяком на щеке, была не кем иным, как подопечной леди Бернхэм. Виконт отдал приказ стражникам посадить насильников под замок, добавив, что они могут особо не церемониться при этом.

Набросив на плечи Кэтрин свой сюртук, он протянул ей платок, чтобы она могла утереть слезы. Пытаясь вернуть утраченное достоинство, Кэтрин, всхлипывая, заявила ему:

— Должно быть, вы полагаете чрезвычайно странным, сэръ, что в столь поздний час я расхаживаю по дворцу, но, честное слово, мне сказали, будто меня требует к себе принцесса. Увы, это была всего лишь уловка. Я всегда и во всем слушалась леди Бернхэм, не обращая на молодых людей никакого внимания, а они из-за этого вздумали издеваться надо мною. И сейчас они бы... но вы помешали им добиться своего, сэръ. Я пребываю в отчаянии, но в остальном не пострадала.

Лорд Графтон пообещал ей, что молодые люди понесут наказание и их прилюдно выпорют.

Пытаясь удержать на груди вконец разорванное платье, Кэтрин покачала головой.

— Умоляю вас, сэръ, не делайте этого! Разразится скандал, а я не могу рисковать своим местом при дворе. Благодарю вас за помощь, но я как-нибудь справлюсь сама. Мне бы только зашить эту прореху на платье, прежде чем леди Бернхэм увидит ее, — у Кэтрин задрожали губы, — и упросить кого-либо из девушек одолжить мне свою пудру, чтобы скрыть синяки. Отныне я буду осторожна. Я должна сохранить свое место при дворе. Мне более некуда пойти. — Тут Кэтрин не выдержала и разрыдалась.

Лорд Графтон заверил бедняжку, что не станет поднимать шум на людях, как она и просила.

Но в душе он дал себе клятву, что добьется того, чтобы этих молодых людей отправили в какое-нибудь захолустье в Ирландии под предлогом королевской службы. Король прислушивался к нему, и он знал, как это можно устроить. Виконт дал себе слово, что займется этим безотлагательно и что к завтрашнему утру негодяи окажутся на борту корабля, отплывающего в Ирландию.

Сказав Кэтрин, что ей более не о чем беспокоиться, он лично сопровождал ее в апартаменты леди Бернхэм. По дороге он обратил внимание на то, чего не замечал ранее, а именно: Кэтрин была не просто хорошенькой девушкой, а настоящей красавицей. К тому времени как они подошли к ее двери, в голове у него созрел план. Кэтрин была дворянкой, образованной и молодой, чтобы иметь детей. Но, за исключением леди Бернхэм, могущественных и влиятельных друзей у нее при дворе не было. И как показало сегодняшнее прискорбное происшествие, она нуждалась в другой защите, помимо той, которую могла предоставить ей леди Бернхэм. А ему уже давным-давно полагалось бы состоять в браке. И лорд Графтон решил, что завтра же, когда Кэтрин немного придет в себя, он сделает ей предложение, попросив стать его женой.

На следующий день он нанес визит леди Бернхэм и, получив позволение переговорить с нею

с глазу на глаз, прошел в гостиную фрейлины. Едва за ними закрылась дверь, лорд Графтон попросил у нее руки Кэтрин. Леди Бернхэм немедленно дала ему свое согласие на брак. Кэтрин позвали в гостиную, где и сообщили о желании лорда Графтона. Девушка до глубины души поразились тому, что столь влиятельный и состоятельный мужчина, с которым она к тому же была едва знакома, вдруг возжелал жениться на ней, но леди Бернхэм уже одобрила их союз, а Кэтрин привыкла во всем повиноваться ей.

Свадьбу сыграли быстро, и Кэтрин из бедной родственницы превратилась в виконтессу. Совершенно неожиданно она вдруг стала хозяйкой огромного роскошного особняка в Лондоне и обширного поместья в Сассексе. Ей было сказано, что отныне все ее желания будут осуществляться незамедлительно, а слуги станут беспрекословно исполнять ее приказы. Она получила в свое распоряжение фамильные драгоценности Графтонов и собственный выезд, а еще ей посоветовали как можно скорее заказать себе новые наряды, дабы произвести надлежащее впечатление в качестве леди Графтон. Кэтрин казалось, будто она попала в сказку. Но вела она себя сдержанно и с большой осторожностью, стремясь во всем угодить супругу, которого боготворила и даже немного побаивалась.

Женщиной она оказалась благоразумной и рассудительной не по годам. С ранних лет она усвоила простую истину: окружающий мир безжалостен и жесток к бедной сироте, а потому была благодарна за защиту и безопасность, которые принесло ей новое положение, и дорожила добротой супруга куда больше его состояния или же подаренных ей драгоценностей. Несмотря на то что она не придавала особого значения восхищению, которое вызывала в окружающих, ей хотелось произвести на них благоприятное впечатление, чтобы сделать приятное супругу. Она упросила леди Бернхэм помочь ей выбрать новые платья и наставить в том, как она должна вести себя в новом качестве.

Леди Бернхэм с готовностью предоставила молодой женщине свое просвещенное мнение во всем, начиная от нарядов и заканчивая тем, что требовалось от виконтессы Графтон, подчеркнув, что нынешнее положение Кэтрин влечет за собой обязанности и ответственность, далеко выходящие за пределы стремления во всем угождать своему супругу. Уже через год после замужества Кэтрин стала патронессой Воспитательного дома для подкидышей в Лондоне, организовала школу для деревенских детишек в поместье Графтонов в Сассексе и стала регулярно делать крупные пожертвования в пользу бедных в графстве.

Подобное поведение супруги пришлось по душе лорду Графтону. Хотя сам он и не жил в деревне, но серьезно относился к своим обязанностям перед арендаторами в поместье и посему ожидал такого же отношения и от своей супруги, равно как и соблюдения ею традиции «положение обязывает» по отношению к беднякам и тем, кому не повезло в жизни. Кроме того, он полагал, что к этому его обязывает фамильная честь. Ему нравилось наблюдать за тем, как расцветает Кэтрин, превращаясь из невзрачной подопечной леди Бернхэм в застенчиво-изящную и элегантную леди Графтон, которую в равной мере превозносили за ее доброе сердце и красоту. Он поздравлял себя с удачным выбором: его молодая супруга олицетворяла собой все, чем должна была быть леди Графтон. Первоначальное удовлетворение от правильно сделанного выбора постепенно сменилось чувством более глубоким, когда он вдруг неожиданно обнаружил, что ему приятно ее общество, умение поддерживать и вести разумную беседу, заботливое внимание к его пожеланиям и ее восторг и благодарность, когда он удивлял ее небольшими прелестными подарками. Брак, столь поспешно заключенный по расчету обеими сторонами, равно как и разница в возрасте между мужем и женой, могли бы помешать установлению между ними подлинного

взаимопонимания, но по мере того, как они лучше узнавали друг друга, их привязанность становилась крепче.

Лорд Графтон не узнавал себя — он и представить не мог, что его мир будет вращаться вокруг одной-единственной женщины. Но так оно и было на самом деле. Кэтрин была счастлива и чувствовала себя в абсолютной безопасности, и лорд Графтон впервые в жизни потерял голову.

Для полного счастья им не хватало лишь детей, и Кэтрин молилась о том, чтобы Господь ниспослал им сына, о котором, как она прекрасно знала, мечтал ее супруг. И поначалу казалось, что ее молитвы услышаны. На протяжении четырех лет она смогла забеременеть девять раз. Но надежды, к несчастью супругов, шли прахом, поскольку у Кэтрин случался один выкидыш за другим, и она с тоскливой грустью наблюдала за сиротами, которые росли и крепили в Воспитательном доме. Наконец десятого ребенка она доносила до срока, и для родовспоможения была нанята повитуха, которой дали отличную рекомендацию знакомые лорда Графтона. Когда у Кэтрин начались схватки, она заверила встревоженного супруга, что все будет в порядке.

После долгих и трудных родов Кэтрин произвела на свет девочку. Расцеловав завернутую в пеленки малышку, она ласково прижала ее к себе

и попросила назвать Софией в честь своей матери.

— Она станет старшей сестрой для наших сыновей, — сообщила она мужу, когда тот на цыпочках вошел в комнату, чтобы бросить первый взгляд на дочь.

Кэтрин умыли и одели в чистое платье с кружевами на рукавах и шее, и она, бледная и утомленная, но улыбающаяся, лежала под атласным стеганым одеялом. Лорд Графтон поцеловал ее, думая, что еще никогда она не выглядела такой красивой, и постарался скрыть свое разочарование, оттого что долгожданный ребенок оказался девочкой.

Через день после родов Кэтрин пожаловалась повитухе на сильную боль в животе, но та коротко ответила, что женщины должны страдать, потому что так предопределено самим Господом, и что такое часто случается с молодыми матерями. Кэтрин смирилась, но на следующий день у нее началась лихорадка. К ночи, несмотря на высокую температуру, ее уже бил озноб. Голова у нее разрывалась от боли, а лихорадка все усиливалась. Простыни под женщиной промокли насквозь от дурно пахнущих выделений. У нее уже не доставало сил, чтобы держать ребенка. Одурманенная болью, Кэтрин то лишалась чувств, то вновь приходила в себя и уже не узнавала супруга.

Через неделю она умерла.

— Родильная горячка, — равнодушно заявила повитуха, деловито вытирая руки о грязный фартук после того, как вытащила из-под тела испачканную простыню. — Такова воля Божья. — И она отправилась принимать роды у других женщин. Она даже не удосужилась сменить фартук или хотя бы вымыть перепачканные кровью руки перед тем, как провести родовспоможение. Многие младенцы и их матери, у которых эта женщина принимала роды, подобно Кэтрин, умерли. София стала одной из тех немногих, кому повезло.

Лорд Графтон никак не мог смириться с тем, что скоропостижно овдовел. Ему все время казалось, что вот сейчас Кэтрин улыбнется ему с порога, или с дивана, или с другой стороны стола, или с кровати. Иногда ему мерещилось, будто он видит ее краем глаза, ощущает ее присутствие в комнате, чувствует прикосновение ее ладошки на своем плече, но она исчезала раньше, чем он успевал обернуться. Роскошный особняк, в котором некогда он чувствовал себя столь комфортно и покойно, стал пустым и холодным без Кэтрин. А в детской и классной комнатах звенело эхо жалобных криков и плача его оставшейся без матери малютки, которую никак не могли успокоить две няни.

Виконт решил, что ему необходимо вновь начать странствовать по границам, выполняя поручения короля. Мысль о том, что он и дальше

будет оставаться в доме, где они с Кэтрин были так счастливы прежде, казалась невыносимой. Он распорядится запереть его и будет лишь временами наезжать сюда в перерывах между командировками.

Леди Бернхэм, у которой не было своих детей, оплакивала Кэтрин так, словно та была ее собственной дочерью, и обрела отдушину для своих материнских чувств в лице Софии, для которой стала крестной матерью. Заливаясь слезами, она принесла торжественную клятву у купели, что София, когда вырастет, станет точной копией своей матери — скромной, добродетельной, набожной и преданной своему долгу. Она убеждала лорда Графтона, что он должен нести ниспосланное ему испытание, как подобает христианину, и не роптать. Такова была Божья воля.

Раздавленный горем, лорд Графтон не желал уповать на Бога. Его мечты о сыне и многодетной семье умерли вместе с его обожаемой Кэтрин. Мысль о том, чтобы жениться повторно, даже не приходила ему в голову. Страдания его лишь усиливались от осознания, что род Графтонов оборвется на Софии.

Если только он не сумеет как-либо помешать этому.

И мысль о том, как воспрепятствовать столь трагическому развитию событий, вскоре

превратилась для лорда в навязчивую идею, которая отвлекала его от душевных страданий. Девочка еще лежала в колыбели, а он уже дал указание своим поверенным разработать план продолжения рода через Софию, восстановить связи между семейством и поместьем, которые почти прервались при нем, и сделать так, чтобы София, Графтон по крови, стала бы полновластной хозяйкой родового особняка и основательницей новой династии Графтонов. Он надеялся дожить до того времени, когда у него появится внук, а в старой детской в Сассексе вновь поселится наследник.

К тому времени как у Софии прорезался первый зубик и звякнул об оправленное в серебро коралловое зубное кольцо, план был составлен. Лорд Графтон распорядился сделать все возможное, ничего не оставляя на волю случая. В результате на свет появился тщательно прописанный документ, предусматривающий, что брак Софии должен восстановить династию Графтонов в их родовом гнезде в Сассексе. Муж Софии обязан был согласиться взять фамилию Графтон, чтобы его носили и дети Софии, Графтоны по крови и по имени. В брачный договор также было вписано условие, согласно которому супругам и их детям надлежало проживать в Графтон-Маноре не менее девяти месяцев в году, поскольку лорд Графтон на

собственном опыте убедился, что иное место жительства ослабляет узы, кои должны связывать владельца с поместьем. Условие это подкреплялось ограничениями, наложенными на использование приданого Софии таким образом, что супруг Софии и наследники Графтонов обязаны были соблюдать его неукоснительно, в противном случае лишаясь права на доход от поместья.

С этого момента лорд Графтон возложил все свои надежды и ожидания на брак Софии, который по его расчетам должен был состояться семнадцать или восемнадцать лет спустя. Подобно леди Бернхэм, давшей клятву при крещении Софии, он тоже вознамерился сделать так, чтобы София во всем походила на мать, превратившись в идеал женского совершенства и бриллиант в короне Графтонов. Она станет образованной и элегантной девушкой, обученной всевозможным искусствам, сознающей всю ответственность своего положения и преданной своему дому и семье, равно как и тем, кто зависел от ее милостей. Таким образом, сделав все от него зависящее, дабы обеспечить будущее девочки, которой исполнился уже годик и на хрупких плечиках которой отныне покоилось продолжение рода Графтонов, скорбящий вдовец принялся искать забвения и утешения в работе.

Глава третья

Сорванец в юбке

Верный своему обету не помышлять более о повторной женитьбе, лорд Графтон сопротивлялся всем попыткам подыскать ему новую супругу. Ни одна женщина не могла сравниться с его Кэтрин. Он посвятил себя ее памяти, и единственным объектом его привязанности стала дочь. Когда София была маленькой, лорд Графтон обрел утешение и желанное отдохновение в службе и с годами все больше и больше стал посвящать себя любимому делу. Он обладал академической склонностью всецело предаваться поставленной задаче, и его страстное желание сделать из Софии идеал женщины со временем утратило некоторую толику первоначального рвения. Хотя леди Бернхэм искренне желала, чтобы София жила с нею, лорд Графтон отказывался разлучаться с дочерью, настаивая на том, что ребенок должен сопровождать его в путешествиях по поручению короля. Он не желал принимать во внимание неудобства, которые девочка и сопровождающие ее лица причиняли его гостям, тем более что к секретарям, ливрейным лакеям, кучерам, пажам, камердинеру и поварам неизбежно присоединились еще и кормилица, няня, служанка и привратник.

София получила совсем не то воспитание, в каком, по мнению леди Бернхэм, нуждалась маленькая девочка, поэтому события развивались не так, как когда-то представляла фрейлина, давая клятву у ее купели, в чем, в общем-то, не было ничего удивительного. Вместо строгого режима дня, простой еды и спокойного окружения детской комнаты София привыкла к суете, вызванной бесконечными переездами, и постоянной смене обстановки — большим городам и минаретам, соборам и луковицам куполов церквей восточного обряда, заснеженным вершинам гор, замкам и дворцам, в которых с соблюдением всех церемоний селили и развлекали их с отцом. Она обучилась французскому у целой череды нянек, а грубым итальянским диалектом, включая некоторые шокирующие эпитеты и ругательства, овладела с помощью камердинера отца. Девочке было позволено засиживаться допоздна, поскольку она, не чинясь, закатывала истерику, если ее пытались уложить в постель пораньше. Она частенько рвала одежду и швырялась туфлями, потому что предпочитала бегать босиком. Ей очень не нравилось, когда ей расчесывали волосы. Она пристрастилась к поздним ужинам, жирным пудингам и пирогам, равно как и уяснила, что, сколь бы гадким ни было ее поведение, слуги постараются задобрить ее сладостями и скроют ее

выходки, дабы не лишиться своего места.

Когда лорд Графтон в перерывах между командировками возвращался в Лондон, леди Бернхэм была шокирована поведением своей крестной дочери, ее неподобающим нарядом, растрепанными волосами и непринужденными словесными оборотами. Фрейлину изрядно беспокоило то, что девочке позволено засиживаться допоздна, и она пыталась открыть лорду Графтону глаза на тот вред, который он причиняет собственной дочери. Виконт был любящим отцом, но он обитал в мире, по преимуществу населенном мужчинами, где не было места домашним хлопотам и основам воспитания ребенка, коими следовало бы озаботиться его жене. Он был исключительно занятым человеком, погруженным в дела, из-за которых у него не оставалось ни минуты свободного времени. Его постоянно окружали секретари и клерки, кои добивались его внимания. А когда у него все-таки находилось время для дочери, он обнаруживал перед собой очень милого, не по годам восхитительно развитого ребенка, в точности походившего на свою мать и заставлявшего его снисходительно посмеиваться над ее забавными и озорными шутками и проделками. Он не замечал грязных босых ножек, выглядывавших из-под платья, или неухоженных и вечно перепачканных маленьких ладошек. Уже

через полчаса он ласково щекотал ее под подбородком и отправлял обратно к няне, думая про себя, что еще не встречал более очаровательного ребенка.

А вот леди Бернхэм, которая старалась проводить как можно больше времени со своей крестницей во время наездов лорда Графтона в Лондон, видела перед собой маленькое чудовище, своевольное и дерзкое, сущую насмешку над Кэтрин, становившееся все непослушнее с каждым визитом. Она саркастически называла ее «мисс Язва» и жаловалась приятельницам на то, что расстояние не позволяет ей исправить ужасные ошибки, допущенные в воспитании ребенка дорогой Кэтрин.

Из них двоих единственно верное представление складывалось лишь у леди Бернхэм. С самых ранних лет София обнаружила, что может запросто удрать от одной из нянек, чтобы потом заниматься всем, чего только душа пожелает, и до тех пор, пока ее не найдет кто-либо из лакеев. Ее никто и никогда не останавливал, не бранил и ни в чем ей не отказывал. Впрочем, отец, коего она обожала, мог с легкостью заняться ее воспитанием и наставить на путь истинный. В те детские годы его неодобрение и даже нагоняй могли бы сотворить чудеса.

Пока он вел напряженные переговоры с

французами, пытаюсь избежать войны между европейскими державами из-за вопроса о наследовании трона Габсбургов, одновременно стремясь достичь компромисса между Францией и Англией по поводу территориальных границ в американских колониях, однажды утром, еще до того, как двор проснулся, София въехала в Версальский дворец на своем пони. Паж, открывший ей дверь служебного подъезда, шепотом посоветовал с помощью хлыста пустить пони в галоп, после чего натянуть поводья и наслаждаться моментом, когда лошадка захочет остановиться и заскользит на гладких плитах. Пони и впрямь понесся галопом по длинным коридорам и украшенным позолотой салонам, и копытца его разъезжались на гладком полу, врезаясь во всех встречных и поперечных. Он расшвыривал в стороны лакеев, сбивал с ног служанок и опрокинул толстую герцогиню де Монжуайе, направлявшуюся к утренней мессе в королевскую часовню. При этом пони оставил за собой звон разбитых зеркал, груды черепков бесценного фарфора и вдребезги расколоченный деревянный шкафчик, украшенный искусной резьбой, — любимый предмет мебели самого короля. Когда же его загнали в угол и увели прочь, хохочущая София ткнула пальцем в Анри, тринадцатилетнего пажа, которому вменялось присматривать за нею.

— Он пообещал мне, что это будет незабываемая поездка, когда пони поскользнется. Так оно и получилось! Я хочу повторить ее! — вскричала она.

Несчастный Анри получил грандиозную порку, которой заслуживала София, но поднять на нее руку никто так и не осмелился.

В Санкт-Петербурге, в доме одного вельможи, у которого остановился лорд Графтон со свитой, София стащила дорогую шкатулку, украшенную драгоценными камнями, и обменяла ее на танцующего медвежонка, которого держал на цепи какой-то мальчишка, ее ровесник. Затем они завели звереныша в каретный сарай и заперли его в роскошном позолоченном экипаже, красе и гордости вельможи, расписанном изнутри картинками крайне порнографического толкования легенды о Леде и лебеде, для чего был нанят специально прибывший из Флоренции художник. Поначалу София кормила медвежонка конфетами, просовывая их ему через окошко, но потом ей прискучило это занятие, и она отправилась на поиски торта, который пообещал испечь для нее повар. Медвежонок тем временем напрочь изжевал обитые бархатом сиденья и позолоту, в клочья разодрал когтями расписное внутреннее убранство, проломил боковую панель и удрал в город, волоча за собой позвякивающую цепь.

А в Испании София как-то запропала на целый день, и взмыленные слуги, отвечавшие за нее, в панике разыскивали ее повсюду. В конце концов оказалось, что она сбежала с цыганами, и ее обнаружили распеваящей непристойные песенки и танцующей на столе на потеху публике, которая швыряла ей мелкие монетки, пока цыгане наигрывали на скрипках. При этом она укусила лакея, попытавшегося увести ее силой.

Слугам и секретарям лорда Графтона приходилось прилагать все больше усилий, чтобы скрыть ее проделки от своего нанимателя. Однако же эскапады Софии вскоре стали притчей во языцех для всего Лондона, и слухи о них достигли ушей леди Бернхэм.

Случай с цыганами стал последней каплей, переполнившей чашу терпения. Она написала суровое письмо лорду Графтону, изложив в нем все, что ей довелось слышать, и добавила от себя, что София превращается в невежественного, грубого и неуправляемого сорванца, чье поведение, если не принять безотлагательных мер, непременно погубит ее репутацию, сделав дочь лорда объектом насмешек, жалости или стыда. В лучшем случае она превратится в изгоя, а в худшем — окажется в богадельне, где и проведет оставшуюся жизнь. Кэтрин, узнав об этом, наверняка перевернулась бы в гробу. И святая обязанность лорда Графтона —

обеспечить дочери должную респектабельность. В возрасте уже десяти лет София не должна бесконечно переезжать с места на место, как и не должна подчинять слуг своей воле. Девочке необходимо дать куда более основательное образование и воспитание, нежели то, что могут предложить ей странствующие учителя или распущенные няньки. Он должен исправить положение незамедлительно, пока не стало слишком поздно. Если же он не сможет дать Софии образование, приличествующее дворянке, она никогда не выйдет замуж за джентльмена.

«...София стоила Кэтрин жизни, — закончила свое послание леди Бернхэм. — Не позволяйте этой жертве оказаться напрасной. Ваш долг перед Кэтрин требует, чтобы она выросла достойной женщиной».

— Вот так! — воскликнула леди Бернхэм, запечатывая послание горячим воском с гербом Бернхэмов, весьма довольная тем, что наконец-то поступила так, как должна была сделать давным-давно. Вскоре она получила ответ от встревоженного лорда Графтона. Он сообщил ей, что потрясен и шокирован; оказывается, он не имел ни малейшего представления о столь неподобающем поведении Софии. Он намеревался вернуться вместе с нею в Лондон, как только позволят дела, после чего принять все необходимые

меры к тому, чтобы обеспечить Софии должное образование и восполнить пробелы в ее воспитании. Он пообещал прибегнуть к любым нетривиальным шагам, которые леди Бернхэм сочтет приемлемыми и действенными.

Леди Бернхэм испустила вздох облегчения. Лучше поздно, чем никогда. Ее взгляды на образование благородных девиц были устоявшимися и старомодными. Сама она выросла в деревне и училась дома, презирая нынешнюю моду отправлять девушек знатного происхождения в пансионы, где их не обучали старомодным практическим навыкам ведения домашнего хозяйства. Она искренне полагала, что именно подобные умения, близкое знакомство с «Книгой общей молитвы», равно как и хорошие манеры, безупречные моральные принципы и внешняя благопристойность в нарядах, являются основой женского счастья и респектабельности и подготавливают девушку к тому, чтобы стать женой и матерью, готовой исполнить свой долг в качестве хозяйки христианского домовладения. Она наивно предполагала, что обучение и воспитание Софии будет целиком и полностью походить на ее собственное. Ей и в голову не приходило, что лорд Графтон может придерживаться иных взглядов.

А виконт и впрямь считал совершенно по-другому. Перенеся однажды свое внимание со

службы на дочь, которую непозволительно долго полагал невинным младенцем в кружевных пеленках, он с удивлением осознал, что его ребенку уже сравнялось почти десять лет от роду. Хотя среди его свиты в обязательном порядке имелись и учителя, они были слишком затюканными, чтобы научить Софию еще чему-либо, кроме чтения, письма и простейших правил сложения и вычитания. Впрочем, даже эти умения она освоила только потому, что в промежутках между очередными проделками ей становилось скучно. А ведь согласно его плану ей оставалось всего несколько лет до того, как она выйдет замуж и станет полновластной хозяйкой родового поместья и основательницей нового поколения Графтонов.

И теперь, с большим запозданием озаботившись тем, во что превратилась его маленькая София, он вдруг с ужасом понял, что она совершенно не годится для отведенной ей роли. За исключением приятной внешности, которая обещала расцвести в подлинную красоту, София ничем не походила на его дорогую Кэтрин. Предстояло сделать очень много, и не просто много, а невероятно много, если верить письму леди Бернхэм. Образование, умение держать себя, правильное поведение, манеры, женское изящество, благоразумие, осознание Софией своих благотворительных обязанностей и долга перед

бедняками и деревенскими жителями, поколениями прислуживавшими семейству Графтон, — обо всем этом нужно было позаботиться незамедлительно. Лорд Графтон с ужасом и унынием осознал, что в своем нынешнем качестве София едва ли сможет стать благоразумной и понимающей спутницей своему супругу, добросовестной хозяйкой дома, матерью, способной наставить своих детей на путь истинный, или же благодетельницей тем, кто зависел от ее милостей.

Вздыхнув, он в тысячный раз пожалел о том, что Кэтрин не дожила до той поры, когда сама занялась бы воспитанием Софии. Леди Бернхэм была добродетельнейшей из женщин, но пугающая набожность не позволяла ей предстать в роли достойного объекта для подражания. Она не сможет научить Софию грациозности, изяществу и элегантности, кои он полагал незаменимыми в женщине. И, будучи теперь вполне осведомленным о прошлых выходках и дурном поведении дочери, лорд Графтон решительно не представлял, с чего начать, дабы исправить ошибки в ее воспитании, допущенные в раннем детстве.

После некоторых размышлений он решил начать с образования Софии. В этом, по крайней мере, он полагал себя знатоком.

Лорд Графтон не мог представить себе достойного образования, кое не включало бы

латыни, математики, истории, логики, некоторых знаний по астрономии, музыки и философии, и, поскольку ни одна из школ для юных девиц не отвечала его требованиям, он нанял учителей из своего колледжа в Оксфорде. Здесь он, по мнению леди Бернхэм, изрядно перегнул палку. Приличной девушке не было решительно никакой необходимости знать латынь, математику и логику, а все остальное вполне могла преподать компетентная гувернантка, но лорд Графтон был непреклонен. Еще большее негодование вызывало у почтенной дамы отсутствие религиозного наставления.

Леди Бернхэм всегда отличалась изрядной набожностью, но в последнее время она пришла к убеждению, что государственная англиканская церковь недопустимо благодушествует в мире, погрязшем во зле. Евангелистов же отличал куда более жесткий подход к борьбе с кознями дьявола, что произвело на нее неизгладимое впечатление. Итак, она рьяно обратилась в другую веру, пристрастилась со вновь обретенным пылом читать Библию и уверилась в том, что это необходимо для того, чтобы родиться заново и обрести вечное спасение. Будучи от рождения натурой деятельной, леди Бернхэм сочла своим долгом содействовать пробуждению высокой морали и чувства долга в своей крестнице, а также осознанию ею греха и

необходимости спасения души.

И лорд Графтон превратился для нее в помеху на этом пути. Увы, он не отличался особой религиозностью, причем даже не в том, что касалось церкви. Он являлся убежденным сторонником Джона Локка и придерживался огорчительно широких взглядов; собственно говоря, она даже подозревала, что он был презренной личностью, то есть вольнодумцем. Он полагал, что противники официальной церкви, квакеры, католики и даже язычники-евреи и индусы должны иметь право невозбранно практиковать свою веру. Он не соблюдал священный день отдохновения, читал все, что ему вздумается, вместо того чтобы ограничиться штудированием Библии или проповедей, и преспокойно отправлялся в путешествие, наносил визиты или работал с официальными бумагами. Все это было ненавистно леди Бернхэм, но самое страшное заключалось в том, что лорд Графтон наотрез отказывался нанять духовного наставника для дочери, невзирая на то что леди Бернхэм рекомендовала ему на это место некоторых выдающихся богословов. Как следствие, она сочла, что должна взять религиозное и нравственное наставление Софии в собственные руки.

Что до самой Софии, то она вернулась в Лондон, даже не подозревая о том, что ждет ее

впереди. Поначалу девочка не поверила своим ушам, а потом пришла в ярость, узнав о переменах в собственном положении. Вместо того чтобы проказничать и предаваться шумным забавам во дворцах и чужеземных дворах Европы, где ее баловали и обожали, ей предстояло заточение в детской и классной комнатах их лондонского особняка. Ее ждали ранние ужины, строгий распорядок отхода ко сну и полный набор уроков. А выходы в город должны были ограничиться прогулками в парке — пешком или в экипаже, но с обязательным сопровождением дуэньи — и посещениями церкви.

— Я должна буду *сидеть дома* ? Нет! Ни за что! — пронзительно завизжала она, с негодованием узнав, что более не будет сопровождать отца в его зарубежных поездках. Она с первого взгляда возненавидела остроглазую гувернантку, нанятую по рекомендации ее крестной матери, за которой сама леди Бернхэм вознамерилась надзирать во время регулярных визитов в особняк.

Недостаточное духовное наставление леди Бернхэм решила компенсировать тем, что обязала Софию по воскресеньям дважды сопровождать ее в церковь, дабы петь псалмы и читать Библию с евангелистами, беседовать с евангелистом-миссионером и принимать участие во

встречах аболиционистских обществ, равно как и наносить визиты вместе с нею в Воспитательный дом, патронессой которого некогда была Кэтрин.

— *Нет! Нет, нет, нет и нет!* — зашлась криком София, пока не охрипла. Но в кои-то веки никто не обратил на нее внимания.

Леди Бернхэм, гувернантка и учителя требовали, чтобы София вставала рано, одевалась аккуратно и присутствовала на молитве — в этом вопросе лорд Графтон вынужден был уступить настойчивости леди Бернхэм, — после чего начинались занятия в классной комнате, за которыми следовали уроки музыки, вышивания гладью, рисования и, по особому настоянию, послеобеденные упражнения с экономкой Графтонов. К вящему негодованию своего превосходного повара-француза, лорд Графтон вынужден был доставить в Лондон деревенскую экономку, миссис Беттс, ради одной-единственной цели — наставления Софии в старомодных методах ведения домашнего хозяйства, коими молодые девицы благородного происхождения, даже состоятельные, должны были сполна владеть во времена леди Бернхэм, включая стряпню, лучшие способы избавления гобеленов от моли, уход за больными и разведение домашней птицы. Все это представлялось Софии настолько ненужным, что она даже и не подумала протестовать. У Графтонов

имелась в наличии целая армия слуг, так что едва ли ей придется когда-либо хотя бы пошевелить пальцем. Даже лорд Графтон позволил себе усомниться в целесообразности этой программы, но леди Бернхэм ничего не пожелала слушать, заявив, что подобные знания пригодятся любой женщине, сколь бы высокое положение в обществе та ни занимала. Это был обычай, освященный веками, и пренебрегать им не следовало.

София взбунтовалась. Она стала невыносимо груба с окружающими. Она швырялась чернильницами в учителей, когда они позволяли себе бранить ее, показывала язык миссис Беттс, а леди Бернхэм называла за спиной «старой сплетницей». Входя в церковь, она шумно шаркала ногами, отказывалась петь псалмы, ерзала и корчила рожи во время проповеди, пиная скамью перед собой. Ее отцу пришлось вдвое повысить жалованье учителям, чтобы те не потребовали расчета, назначить миссис Беттс внушительный гонорар и регулярно умиротворять леди Бернхэм, напоминая об их долге перед Кэтрин.

Флегматичная гувернантка сохраняла завидную невозмутимость соляного столба, что бы ни вытворяла София, да и миссис Беттс держалась вполне достойно, а вот леди Бернхэм, которой уже перевалило за шестой десяток, находила столкновения и препирательства со своей крестной

дочерью чрезвычайно утомительными. К тому времени как Софии исполнилось двенадцать, учителя уже сменились несколько раз. Во время расставания они уверяли лорда Графтона, что София, пребывая в благожелательном расположении духа, отличалась острым умом, но поскольку такое случалось довольно редко, то и успехов в учебе она добилась незначительных. Поведение ее было поистине ужасающим, чтобы его можно было безропотно сносить в течение сколько-нибудь продолжительного времени.

Лорд Графтон не знал, что и думать. Не могла же София окончательно отбиться от рук?

Кризис наступил, когда Софии вот-вот должно было исполниться тринадцать. Лорд Графтон вернулся домой после очередной утомительной миссии, в ходе которой король, австрийцы и поляки выдвинули прямо противоположные требования, разрешить которые ко всеобщему удовлетворению оказалось невозможным. Чувствуя себя окончательно разбитым после нелегкой переправы через бурный Ла-Манш, промокший и замерзший под дождем, который поливал карету всю дорогу от Грейвсенда, он прибыл домой, мечтая лишь о сытном ужине перед камином в собственной библиотеке, бутылке кларета и хорошей книге. Но вместо этого его встретил грандиозный скандал. Миссис Беттс, не

отличавшаяся долготерпением, потребовала немедленной встречи с ним и заявила, что не может и далее выносить грубость мисс Софии и предупреждает его о скором увольнении, разве что он сам пожелает безотлагательно отправить ее обратно в Сассекс. Последняя по счету группа учителей просочилась вслед за нею в библиотеку и уведомила его, что все они, до последнего человека, покидают его дом в конце оговоренного срока. Кроме того, его ожидала раздраженная записка от леди Бернхэм, в которой та извещала его, что более не в состоянии тащить упирившуюся Софию вместе с собой в церковь и потому просит извинить ее за то, что некоторое время она предпочтет и вовсе не видеться со своей крестницей.

Короче говоря, София оказалась ужасным ребенком, неисправимым и испорченным, с чем, похоже, уже ничего нельзя было поделать.

Лорд Графтон не имел привычки впадать в ярость. Он полагал гнев последним и к тому же крайне неэффективным средством, к которому прибегают лишь слабые мужчины. Однако сегодня у него выдался тяжелый вечер. Его миссия закончилась неудачей, он подхватил простуду и столкнулся дома с неподъемным ворохом проблем, созданных упрямой и не желающей идти на компромиссы дочерью, которая, казалось, с каждым его возвращением в Лондон вела себя все

отвратительнее. В общем, он вышел из себя.

Он призвал Софию к себе в библиотеку, где у отца с дочерью и состоялось бурное выяснение отношений. В первый раз в жизни лорд Графтон накричал на дочь, заявив, что стыдится ее, что она является живым укором благословенной памяти собственной матери и сущим позором для доброго имени Графтонов. Ее никогда не допустят в общество, если она не приобретет образования и манер, приличествующих ее имени, и пока отец не будет уверен в том, что она сумеет вести себя подобающим благородной леди образом. А сейчас она похожа на неуправляемую, дурно воспитанную и невежественную девчонку четырех лет от роду, и если она не изменит своего поведения, то, как и следует четырехлетней девочке, проведет остаток дней своих в детской комнате.

Его реакция застала Софию врасплох. Поначалу угроза быть запертой в детской комнате, когда она уже достигла того возраста, в котором полагается выходить в свет, лишила ее дара речи. Ведь она уже стала мисс Графтон! Разумеется, она станет бывать в обществе, когда повзрослеет еще немного! Вообразить себе иное развитие событий было бы немислимо!

Но потом, когда смысл его слов окончательно дошел до нее, она с тревогой уставилась на отца. Он всегда относился к ней с любовью и, когда на

Софию жаловались учителя или гувернантка, неизменно находил повод простить дочери недостатки, мягко пожурился тем, что ей следовало бы вести себя лучше. До сих пор она еще не сталкивалась с его гневом, а упоминание о матери буквально потрясло ее. Немногие вещи могли задеть Софию за живое, но она знала, что ее мать Кэтрин была святой — красивой, доброй и всеми обожаемой — и что она умерла, дав жизнь Софии. Осознание этого тяжким грузом лежало у нее на сердце. И вот теперь отец, который всегда пылинки сдувал с нее, внезапно продемонстрировал строгость и жестокость. А что, если он действительно намерен до конца дней оставить ее в детской?

Это было бы ужасно, просто ужасно!

Она попыталась ответить ему в привычной дерзкой манере, но не выдержала и расплакалась. Заливаясь слезами, она твердила, что против нее ополчились все и вся. Она ненавидит жизнь в Лондоне, она ненавидит гувернантку, она ненавидит своих учителей. Они все ненавидят ее. Она ненавидит властную миссис Беттс и глупое домашнее хозяйство. Во всем этом виновата ужасная леди Бернхэм, везде сующая свой нос старая сплетница! Ужасная и уродливая старуха!

У лорда Графтона внезапно открылись глаза. Осознав наконец, как окружающие относятся

к Софии, он пришел в ужас. Как могла его прелестная, милая Кэтрин произвести на свет столь злобное создание? Леди Бернхэм была права: девчонка никогда не выйдет замуж, ее нельзя навязывать ни одному мужчине и его достойному семейству, ибо она просто неспособна воспитывать детей. Значит, роду Графтонов суждено прерваться. Список ее прегрешений был достаточно длинным. То, что она забылась и нагрубила леди Бернхэм, было ужасно само по себе, но узнать, что она недостойно вела себя еще и с миссис Беттс! Грубость по отношению к старому и доверенному слуге, по мнению лорда Графтона, выглядела мелочной подлостью, и до такого не могла унизиться никакая женщина. Для него это был самый страшный из грехов Софии.

И что, ради всего святого, теперь делать? Он потерял глаза и попытался сосредоточиться. Когда буря наконец утихла и София принялась жалобно хныкать, уткнувшись в носовой платок, он прибег к своим дипломатическим навыкам переговорщика, коими заслуженно славился.

Сохраняя строгий тон, виконт заявил, что, пожалуй, еще не поздно все исправить. *Если* София сумеет уговорить своих учителей остаться, *если* он будет удовлетворен их отчетом о ее успехах, *если* миссис Беттс подтвердит, что София ведет себя с нею уважительно и вежливо, как того

вполне заслуживает экономка, *если* она извинится перед миссис Беттс и станет усердно изучать домоводство и, самое главное, *если* ее манеры по отношению к леди Бернхэм будут таковыми, какими им и надлежит быть, то не исключено, что она сможет побывать на своем первом балу, когда ей исполнится тридцать. А он и пальцем о палец не ударит, дабы помочь ей, поскольку всего вышеперечисленного она должна добиться сама. Доказательством же станут исключительно доклады учителей, миссис Беттс и всех прочих.

— Но они же все настроены против меня и... Тридцать! О, это *несправедливо*! — запричитала София. Она вновь расплакалась и уткнулась в носовой платок.

Лорд Графтон, никогда не повышавший голоса, взорвался:

— Молчать! Я еще не закончил. Моя дочь должна усвоить, что исполнение моих желаний — это не только ее долг, но и благо.

— Но почему, папа? — всхлипнув, угрюмо осведомилась София.

— Потому что, когда моя дочь докажет своим примерным поведением, что достойна любви своего отца и научилась вести себя в манере, подобающей ее положению, она получит ежегодное содержание на наряды после того, как ей исполнится шестнадцать.

— Что? — София едва не подавилась слезами. Неужели она все расслышала правильно?

Лорд Графтон повторил то, что только что сказал насчет выделения ей денежного содержания, но добавил, что заслужить его она должна собственным трудом. Он напомнил ей о том, что чуть больше чем через три года она достигнет возраста, в котором ее мать вышла замуж. В шестнадцать лет Кэтрин была прекрасно образована и заслужила всеобщее уважение своей добродетельностью, достойным поведением, вежливостью и вниманием к собственному долгу. Она была элегантно и скромно и обладала очаровательными манерами. Она была всем, чем должна быть женщина, подлинным украшением своего пола и семейства Графтон. И он хочет, чтобы именно такой стала и София.

Подавленная описанием такого идеала совершенства, София вздохнула:

— Ох. Да, конечно, папа. Разумеется. Но вот что касается балов, папа, то нет никакой нужды ждать, пока мне исполнится тридцать...

— Я не потерплю более никаких разговоров о балах! И даже не вздумай заикаться о них! — Он пришел в ярость, оттого что голова у Софии забита всякой ерундой, когда он вел с нею серьезный разговор о примере Кэтрин, и потому с позором отправил ее обратно в детскую.

Вернувшись к себе наверх после разговора в библиотеке, София принялась крушить все, что попало ей под руку. Она буквально впала в неистовство и кричала, что ненавидит, ненавидит, *ненавидит* презренную леди Бернхэм! Это она во всем виновата! Но ненависть оказалась весьма утомительной, и, когда пламя ее гнева постепенно остыло, она не могла не задуматься над тем, что получит, если сделает так, как желает ее отец, или же останется у разбитого корыта, если и далее продолжит вести себя в той же манере. Обещание денег на роскошные наряды, конечно, согревало ей душу, однако еще сильнее она стремилась вернуть себе любовь отца. Но, очевидно, добиться этого ей удастся только в том случае, если она станет походить на свою мать. И как можно стать похожей на умершую святую? Отец поставил перед ней невыполнимую задачу. Растерянная, обиженная на весь белый свет и сердитая, София вдруг почувствовала себя очень несчастной. А еще ей стало скучно. Уроки закончились, поскольку учителя собирали вещи и намеревались вернуться в Оксфорд. Гувернантка подтвердила, что она должна оставаться в детской и классной комнатах, где заняться ей было решительно нечем, кроме как глазеть в окно.

И тут Софии пришло в голову, что она может хотя бы попытаться сделать так, как хочет отец.

Выждав вплоть до того момента, когда учителя уже собирались окончательно распрощаться с домом, она, внутренне подобравшись и подготовившись, насколько это было возможно, к унижению, стиснув зубы, принесла им скомканные извинения и пообещала, что будет исправно посещать уроки, если они согласятся остаться. Учителя удивились. Они не питали особых надежд на то, что отношение или поведение Софии изменится, но в случае, если дочь все-таки принесет извинения, лорд Графтон посулил им существенную прибавку к жалованью, если они соблаговолят остаться у него. Ради столь внушительной суммы они согласились потерпеть ее грубость и дерзость еще немного.

К их невероятному удивлению, с течением времени грубости в обращении с ними становилось все меньше. София старалась держать свой язвительный язычок за зубами, не давая ему воли. Когда ее бранили за недостойное поведение, плохо сделанное домашнее задание или невнимательность, она более не протестовала и не ударялась в крик; она просила прощения. Она даже взялась со всем усердием за уроки. Если раньше ее тетрадки были сплошь забрызганы кляксами, а страницы исписаны корявым, небрежным почерком, то теперь они стали образцом прилежания. Учителя были поражены до глубины души.

Ее игра на ненавистном фортепьяно также претерпела изменения к лучшему, потому как она, стиснув зубы, стала практиковаться каждый день. Да и сама София была изумлена, когда однажды гувернантка даже отложила шитье, чтобы послушать, как она играет, и одобрительно кивнула.

— Вы играете очень мило, когда даете себе труд постараться. Ваша приверженность постоянным упражнениям значительно улучшила вашу манеру исполнения. Я непременно скажу об этом лорду Графтону, когда он вернется домой.

— Ой, правда? — Похвала, пришедшая с той стороны, откуда ее никак не ждали, несказанно удивила Софию, но девушка сочла, что хуже от этого уж точно не будет. Она решила, что благоразумнее и правильнее вести себя с гувернанткой повежливее. И она принялась разучивать сонату для фортепьяно, которую очень любил ее отец.

Это было нелегко, но, как и предполагал дальновидный лорд Графтон, обещание новых нарядов оказалось для молоденькой девушки одним из самых убедительных аргументов. Удивленная тем, что ее усилия столь хорошо вознаграждаются похвалами и уверениями, что отец будет доволен, узнав о том или этом, София пользовалась любой возможностью предстать перед окружающими в лучшем свете.

Миссис Беттс, уже смирившаяся с тем, что неохотное присутствие Софии на кухне ни к чему хорошему не приводит, изрядно удивилась, когда однажды, после того как с домашней фермы доставили айву, неожиданно появилась София и, расточая улыбки, мило попросила дать ей фартук, чтобы помочь экономке законсервировать фрукты в меду.

— Лорд Графтон очень любит консервированную айву, — пояснила девушка.

Миссис Беттс выразительно закатила глаза, глядя на повара, и поставила перед Софией корзину с каменной твердости айвой, которую надо было очистить от кожуры.

— Ой! — пролепетала София, беря в одну руку твердый фрукт, а в другую — маленький нож для чистки. — Как вообще это делается? — Она была уверена, что такая работа — святая обязанность посудомойки, и наивно полагала, что ей придется лишь помешивать мед в горшке, когда тот начнет закипать, но предпочла оставить свои мысли при себе и, к невероятному изумлению работников кухни, молча взялась за дело.

Во время следующего урока София потребовала, чтобы ее научили готовить любимое блюдо отца — фрикасе из утки на углях. Миссис Беттс запротестовала, заявив, что блюдо это слишком сложное, а повар предложил, чтобы

вместо этого они попробовали запечь самые обычные яблоки, но София настояла на своем. Работа на кухне замерла, потому что сначала пришлось послать за уткой, зарезать ее, осмолить и ощипать, затем обдать кипятком, замочить в кипяченом молоке, натереть травами, поджарить, разрезать и, наконец, поставить на огонь в кастрюле с капелькой бренди и соусом, приготовленным из лука с печенкой. Поскольку София выказала желание выполнить каждую операцию самостоятельно, для этого потребовалась большая часть дня. Когда же с готовкой было покончено, она зарделась от удовольствия, ибо миссис Беттс и повар рассыпались в похвалах, хотя утка получилась настолько жесткой, что позже повар потихоньку скормил ее коту.

А миссис Беттс страстно мечтала о том, чтобы вернуться обратно в Сассекс. Лорд Графтон по большей части бывал в поместье лишь изредка и надолго там не задерживался. Тем не менее он распорядился содержать дом в полном порядке и присылать в лондонский особняк мясо и фрукты с домашней фермы. Помимо содержания дома и перекладывания продуктов соломой, миссис Беттс и остальным слугам заниматься более было нечем, и потому они располагали массой свободного времени. Пробудившаяся в Софии страсть к приготовлению пищи и внезапные набеги на кухню

неизменно порождали хаос, что выливалось в дополнительную работу для самой миссис Беттс, повара и посудомоек. Миссис Беттс крайне неодобрительно относилась к тому, что благородные господа изъявляют желание заниматься домашним хозяйством, и в глубине души проклинала леди Бернхэм за то, что та распорядилась научить Софию тому, что ей вовсе не требовалось.

Но даже миссис Беттс вынуждена была признать, что с ее подопечной произошли заметные перемены к лучшему. Вот уже на протяжении многих недель она не слышала от Софии ни единого грубого слова. Собственно говоря, девушка не уставала повторять: «Пожалуйста, миссис Беттс» и «Благодарю вас, миссис Беттс», «Чем вы посоветуете переложить белье от моли, миссис Беттс, — лавандой или шариками с ароматическими травами?»

Оставалось умаслить всего одного человека, и София долго и старательно напоминала себе о выдаче денег на одежду, прежде чем набралась мужества предложить леди Бернхэм возобновить их регулярные походы в церковь и на встречи евангелистов. Когда же она наконец отважилась на такой шаг, ей для начала пришлось выслушать долгую и нудную нотацию о том, что ожидает непослушных, неблагодарных и себялюбивых детей

в Судный день, равно как и о девушках, кои не исполняют своего долга, а думают лишь о нарядах, балах да развлечениях. И только после этого леди Бернхэм сочла, что София в достаточной мере раскаялась и сожалеет о греховности своей природы и поведения.

В церкви София выслушала проповедь и даже ни разу не поморщилась. Лишь с едва заметной неохотой она сопровождала леди Бернхэм во время визита в Воспитательный дом, патронессой коего была ее мать, и помогла раздать там суп и одежду. Она стала посещать собрания евангелистов, где изо всех сил старалась не уснуть, слушая, как они распевают псалмы и произносят долгие речи о миссиях к язычникам и запрете рабства в Африке.

В стремлении покорить леди Бернхэм София зашла так далеко, что попросила лорда Графтона ссудить ее деньгами на карманные расходы, дабы она могла купить теплые чулки для сирот и Библии для язычников. Дивясь про себя этой новообретенной сострадательности и благочестию, лорд Графтон исполнил ее просьбу, хотя и встревожился, уж не завели ли его неортодоксальные методы слишком далеко. Может, он собственными руками толкнул дочь напрямик в объятия евангелистов, как случилось с ее крестной матерью? Однако после некоторых размышлений он счел, что, получив в свое распоряжение деньги

на наряды, София потеряет всякий интерес к евангелистам.

При всем желании он не смог бы выбрать более действенного стимула или идеального момента. Уже через год наставники Софии осторожно намекнули лорду Графтону, что, хотя совершенству нет предела, на свет явилась абсолютно иная София, которая изменилась подобно бабочке, вылупившейся из кокона: она исправно — в большинстве случаев — посещала уроки, демонстрируя уважение к учителям и вежливое отношение к окружающим, и на память декламировала стихи из Библии. Учителя более не заикались об отъезде. У миссис Беттс не хватало духу попросить рассчитать ее, а леди Бернхэм даже однажды заявила гувернантке, что надежда еще не утрачена окончательно, но при условии, что несмышленное дитя не будет слишком уж забивать себе голову безбожными книгами, кои ее отец и наставники почему-то почитали крайне необходимыми.

В детстве София столь безобразно обращалась со своими платьями, что леди Бернхэм даже язвительно интересовалась у нее, не колет ли она их вилами. Но девушка четырнадцати лет от роду начинает думать о том, чтобы выглядеть опрятно. София становилась выше ростом, детская худоба сменялась женственными округлостями, так что ее

платья приходилось удлинять по подолу и расшивать в плечах и груди. Заказывать новые было запрещено по строжайшему распоряжению лорда Графтона, отданному гувернантке и леди Бернхэм, а старые постепенно приходили в негодность и были слишком тесными для нее. Когда София с гувернанткой прогуливалась по Сент-Джеймским садам с дочерьми знакомых лорда Графтона или же когда леди Бернхэм брала ее с собой в церковь, она болезненно стыдилась своих старомодных девчоночьих нарядов. Она с завистью рассматривала платья, шляпки и ленты других молодых леди, воображая, будто они с презрением поглядывают на нее. Она плотнее запахивалась в накидку и прятала подбородок в воротник, так что на виду оставалась лишь ее простая шляпка. Все свои надежды она возлагала на обещанное содержание и еще усерднее старалась вести себя хорошо.

Когда отец возвращался в Лондон после очередной командировки, София держалась поближе к библиотеке, дабы подслушать, как гувернантка, учителя и экономка отзываются о ее успехах. Ей казалось, будто тон их речей был одобрительным, но дверь была слишком массивной, чтобы увериться в этом окончательно.

На ее пятнадцатый день рождения лорд Графтон сообщил дочери, что намерен нанять для

нее еще одного наставника.

— О нет! Только не греческий! — Сердце у Софии упало. Лорд Графтон частенько говорил, что знает древнегреческий, сожалея о том, что очень немногие знакомые ему женщины могут похвастать близким знакомством с классикой.

— Я имел в виду учителя танцев, хотя, если ты предпочтешь ему преподавателя греческого языка, я, естественно, могу...

— Ой! Нет, пожалуйста, папочка, пусть это будет учитель танцев! Давай более не будем говорить о греческом! — взмолилась она.

По прошествии некоторого времени София спросила себя, а для чего нужен учитель танцев, если ей не позволено посещать балы до тех пор, пока она не превратится в старую тридцатилетнюю развалину, когда будет поздно носить что-либо, кроме бесформенных старомодных платьев, подходящих матронам, и никто даже не подумает пригласить ее на танец. Глядя на себя в зеркало, девушка решила, что вот сейчас, будь у нее новое красивое платье, она с удовольствием отправилась бы на бал, где за право потанцевать с нею выстроилась бы целая очередь. Но озвучивать подобные мысли вслух она не осмеливалась.

Когда на горизонте замаячил ее с нетерпением ожидаемый шестнадцатый день рождения, лорд Графтон вернулся домой в Лондон. После долгого

совещания в то утро с учителями и миссис Беттс, виконт пригласил в библиотеку и Софию. Девушка, которая не находила себе места от беспокойства, тревожась о том, выполнила ли она свою часть сделки, со страхом отметила, что отец выглядит необычайно торжественно. На самом же деле лорд Графтон был настолько доволен, что уже планировал следующий шаг Софии к алтарю.

— Ох, папа! Честное слово, я старалась изо всех сил. Пожалуйста, скажи, что я сделала все именно так, как ты и хотел!

К ее облегчению, он заявил, что получил превосходные отчеты о несомненном улучшении в ее учебе и, самое главное, манерах и поведении, что доставило ему несказанное удовольствие. Криво улыбнувшись, он добавил, что, по словам леди Бернхэм, ее душа пробуждалась для возможности настоящего обращения. Сказав также, что он гордится ею и что она заслужила награду, отец назвал щедрую сумму, которую отныне она могла тратить каждый год.

Та оказалась настолько внушительной, что София ахнула, на мгновение потеряв дар речи.

— Твоя мать получила точно такое же содержание после нашей свадьбы.

София бросилась к нему в объятия.

— Ох, папочка! Спасибо тебе!

Она дала полную волю своему воображению и

уже в следующее мгновение пустилась в пляс, представляя индийские шали и китайские веера, шляпки с чучелами птиц, яркие шелка, драгоценности, мушки и пудру, ленты и танцевальные туфельки. Одной рукой она уже подбирала воображаемый шлейф своего платья, а другой томно обмахивалась веером, прислушиваясь к восторженным замечаниям толпящихся у нее за спиной гостей, которые изумленно перешептывались, делясь впечатлениями: «Это дочь леди Кэтрин Графтон!», «Она обещает стать такой же красавицей, как и ее мать...»

Но тут лорд Графтон призвал ее к порядку, и София замерла как вкопанная. Он повторил то, что сказал минуту назад. Он сообщил дочери, что заявил королю о своем желании выйти в отставку под тем предлогом, что его здоровье более не позволяет ему находиться в постоянных разъездах. А если София выйдет в свет, то одно это требует его постоянного присутствия в Лондоне.

София не могла верить своим ушам.

— Выход в свет! — воскликнула она и неуверенно заметила: — Трудно выходить в свет, не бывая на балах, папа.

Он согласно кивнул.

— Ты права. И поэтому, — тут лорд Графтон улыбнулся, — я передумал.

— Так я смогу посещать *балы* ? Ох, папочка!

Когда?

— Для начала тебя следует представить при дворе. Но мне необходимо быть уверенным в нескольких вещах, София. Ты всегда должна иметь в виду, что девушка, выходящая в свет, уже не ребенок, а достаточно взрослая женщина, чтобы выйти замуж. В обществе люди будут пристально наблюдать за тем, как выглядит и ведет себя мисс Графтон, и можешь мне поверить, они быстро заметят любую твою оплошность. Так что во всем слушайся свою крестную мать. Да, я знаю, что леди Бернхэм все время читает тебе нотации, но при этом она знает, что хорошо, а что нет. И, — строго добавил он, — никогда больше не смей называть леди Бернхэм «старой сплетницей». Подобная грубость непростительна.

София покраснела и кивнула.

— А после того как ты выйдешь в свет, пройдет совсем немного времени и ты окунешься в совершенно иную жизнь, поскольку, вероятнее всего, быстро окажешься замужем. Мы отложим представление тебя при дворе на некоторое время, дабы ты сумела лучше подготовиться.

— Что ты имеешь в виду, папа? — София всем сердцем желала избежать любых дальнейших отсрочек.

— Твое положение обязывает тебя принимать и развлекать самых разных визитеров, и ты должна

научиться делать это с элегантною легкостью. Как только ты будешь помолвлена, времени на учебу у тебя уже не останется. — Подобным вещам девушек обучают их матери, когда приходит время, но поскольку ни матери, ни времени у них не было, то, будучи мужчиной, он принял наиболее практичное, как ему казалось, решение. — Через две недели ты исполнишь обязанности хозяйки дома во время званого ужина.

— Вот как... Я?.. — запинаясь, пролепетала София. Как бы ни терпелось ей ощутить себя взрослой, столь непредвиденное возвышение из ученицы классной комнаты в хозяйку гостиной и обеденного стола стало для нее неожиданностью, причем весьма пугающей. Что же именно ей предстоит делать? Она нахмурилась.

— Давай посмотрим на это с оптимистической точки зрения. Полагаю, ради такого случая тебе понадобится новое платье? Двух недель тебе вполне должно хватить, чтобы приобрести его. Или я еще раз должен напомнить тебе о твоем содержании? — Лорд Графтон улыбнулся.

Личико Софии моментально просветлело, и на нем не осталось ни тени сомнения.

— Мое содержание! О да, папа. И не только для ужина. На самом деле мне понадобится несколько новых платьев, потому что те, что у меня

есть, никуда не годятся. Я немедленно закажу сразу несколько. — Три. Или четыре... Нет, пожалуй, пять. — В глазах Софии светилась радость. Теперь высокомерные молодые леди станут завидовать *ей*!

— Моя дорогая девочка, твое содержание и впрямь чрезвычайно щедрое, но, прежде чем ты обогатишь каждого владельца модного магазина в Чипсайте, обязательно посоветуйся со своей крестной матерью относительно того, что подобает твоему возрасту и положению, а заодно научись следить за своими расходами.

— Ты и вправду этого хочешь? — вскричала София. Леди Бернхэм в своем вдовьем трауре, простом и безыскусном черном капоре и с единственным украшением в виде обручального кольца с локоном волос ее покойного супруга! Если она, София, уже стала взрослой, то не нуждается в том, чтобы крестная мать надоедала ей своими бесконечными нравоучениями и проповедями.

Но лорд Графтон был непреклонен. Леди Бернхэм знает, что полагается надевать в таких случаях. И леди Бернхэм объяснит ей, как следует вести себя за ужином. В силу этих обстоятельств к ее помощи следует прибегнуть обязательно. Софии очень хотелось топнуть ногой и отказаться, но тут ей в голову пришла мысль о том, что топанье ногой, скорее всего, поставит под угрозу посещение будущих балов и прочие приятные перспективы.

Кроме того, она сообразила, что действительно не имеет ни малейшего понятия о том, что потребуется от нее за ужином, и что ей все равно придется расспросить кого-нибудь об этом. Посему она проглотила возражения и сказала:

— Конечно, папа, если ты полагаешь, что так будет лучше.

Тем же утром, немного погодя, лакей отправился с запиской к леди Бернхэм, содержащей вежливую просьбу составить Софии компанию в походе по магазинам. Ответ он доставил немедленно: леди Бернхэм объявляла, что передает себя в полное распоряжение мисс Графтон и заедет за ней в своем экипаже после обеда.

Лорду Графтону пришлось приложить некоторые усилия, дабы убедить леди Бернхэм в целесообразности выделения Софии денег на одежду. Она с крайним неодобрением отнеслась к его идее подкупом добиться от юной девушки примерного поведения, сочтя неразумным предоставлять Софии полную свободу в распоряжении крупной суммой денег и в выборе нарядов.

Лорд Графтон парировал, что таким образом София научится правильно планировать собственные расходы, а в будущем избежит ловушек, подстерегающих тех, кто впервые получает в свое распоряжение крупные суммы, а

заодно обретет навык одеваться утонченно, но неброско, коим так быстро овладела Кэтрин. Его настойчивость в том, что это научит Софию вести собственные счета, встретила полное одобрение леди Бернхэм. Он извлек на свет божий книжицу в сафьяновом переплете с золотым карандашиком на золотой же цепочке. К свадьбе София получит крупную сумму денег, и к тому времени она должна уметь правильно планировать расходы. Многие светские дамы погубили собственную репутацию и опозорили своих мужей, наделав долгов легкомысленными тратами на драгоценности и за игорным столом. Этого не должно случиться ни с одним из Графтонов. Как нельзя и позволить, чтобы достопочтенная мисс Графтон выставила себя на посмешище.

— Если дать девочке волю, она вырядится как павлин! — сказал он леди Бернхэм. — Люди станут показывать на нее пальцем. Хуже того, карикатуристы и сатирики начнут высмеивать ее в газетах, как они часто пытаются поступить с публичными людьми вроде меня. А когда они не могут вволю поиздеваться над мужчиной, как вам прекрасно известно, дорогая леди Бернхэм, то выбирают своей целью жен и дочерей. А если София станет мишенью сатириков, едва ли это улучшит перспективы ее замужества. И поскольку матери, которая могла бы привить ей тонкий вкус,

у Софии нет, то ваши советы, леди Бернхэм, окажутся поистине неоценимыми.

В ответ леди Бернхэм ворчливо заметила, что ее совет — последнее, что согласится принять София.

В глубине души лорд Графтон был согласен с нею целиком и полностью, но если София выберет свой первый взрослый наряд без чьих-либо наставлений, то ему даже не хотелось думать о том, каким он окажется. Одна только мысль, что дочь Графтона выставит себя на публичное осмеяние, заставила его содрогнуться. И хотя многие его знакомые дамы с радостью взяли бы на себя труд помочь Софии сделать свой первый выбор платья, он предпочитал, чтобы эту задачу приняла на себя леди Бернхэм, поскольку на нее можно было положиться в том, что уж если она ошибется, то в сторону сдержанности, а не излишеств.

Неизменно оставаясь придворным, он ловко вернул:

— Ну и, разумеется, дорогая леди Бернхэм, все зависит от *манеры*, в коей будет дан совет. Иногда, как вам прекрасно известно, все, что требуется чистокровной лошадке, — это легкое прикосновение к поводьям.

Леди Бернхэм вздохнула и сдалась.

Когда она заехала за Софией, чтобы отправиться с их первым визитом по большим

магазинам Чипсайда, то даже кислое выражение ее лица не смогло омрачить восторженной радости Софии. Когда они проезжали мимо витрин со шляпками и лентами, индийскими шальями и кружевами, перчатками, браслетами и духами, София ощутила волнующую власть своих карманных денег.

Ее намерение потратить все до последнего пенни не осталось незамеченным торговцами, которые тотчас же отправили приказчиков за самыми дорогими и соблазнительными предметами женского обихода.

— Ой, вы только посмотрите, леди Бернхэм! Смотрите, какая прелесть! Или взгляните вот сюда! — вновь и вновь восторгалась София.

Леди Бернхэм старательно держала язык за зубами, пока торговцы подобострастно кланялись и спешили разложить свои товары. А София пребывала в полном восторге. У нее разбегались глаза и перехватывало дыхание. Она хотела купить все! Но, взглянув на леди Бернхэм, девушка поумерила свой пыл. Столь захватывающее зрелище оставило леди Бернхэм совершенно равнодушной, и София уже приготовилась выслушать очередную лекцию относительно мирской тщеты и суеты. Но, к ее удивлению, никаких наставлений не последовало.

Впервые в жизни София решила обратиться к

крестной матери за советом.

— Дорогая леди Бернхэм... что вы думаете об этой ткани? Разве она не прелестна? Из которой, по-вашему, получится самое элегантное платье? Вам нравится алый цвет? А полосатый атлас подходит для нижней юбки? Впрочем, вот эта материя с серебристым отливом настолько... Ах, какая прелесть! Я никак не могу сделать выбор! Почему же вы молчите? Как бы мне хотелось купить все, чтобы меня сочли самой модной девушкой во всем Лондоне!

Крестная в ответ лишь потрепала Софию по руке:

— Разве может пожилая женщина разбираться в моде? В мире безбожников все это — тлен и суета. Я оставляю выбор за тобой, моя дорогая. Покупай все, что тебе нравится.

София с подозрением уставилась на крестную мать. Прежде леди Бернхэм никогда не стеснялась незамедлительно высказать свое мнение. И девушка решила запустить пробный шар.

— Этот пурпурный атлас просто великолепен. — И она с надеждой взяла в руки отрез блестящей материи безумной расцветки и возмутительной дороговизны. После ее тусклых школьных платьев он казался ей полным жизни и света.

Леди Бернхэм на мгновение задумалась.

Пусть она и не одобряла некоторых воспитательных методов лорда Графтона, но чувствовала себя обязанной наставить его дочь на путь истинный, о чем он и просил ее. И если не она, то кто? При мысли о том, как будут выглядеть туалеты Софии, если дать девочке волю, ее пробрала дрожь. Но если она поведет себя умно, София может и прислушаться к ней. Тем более что в глубине души леди Бернхэм сознавала, что и сама в молодости любила нарядные платья. Нет, она, разумеется, не увлекалась драгоценностями, пудрой и прочими излишествами, но и у нее имелись свои собственные маленькие слабости. Она всегда уделяла особое внимание качеству ткани, пусть даже неизменно останавливала свой выбор на гладкой материи темных тонов. Ее капоры и носовые платки были оторочены венецианским кружевом. Даже ее вдовый траур изящно подчеркивал ее рост и достоинство. Пытаясь не выглядеть чрезмерно назидательной, она попыталась прибегнуть к иному средству убеждения.

— У твоей дорогой матери был прекрасный вкус. Она неизменно предпочитала... простоту безо всяких излишеств. Я помню, как приходила вместе с нею в этот самый магазин после того, как она вышла замуж. Твой отец желал, чтобы она одевалась красиво, потому что он очень щепетилен

в вопросах внешнего вида женщины, чтоб ты знала. Кэтрин стремилась угодить ему и потому попросила меня помочь ей сделать выбор. Она боялась вызвать его неудовольствие, если будет выглядеть экстравагантно или нелепо.

Сколь бы ни были интересными воспоминания крестной, Софию отвлек приказчик, развернувший перед ней очередной отрез материи. Почуявшие денежную покупательницу, они буквально вились вокруг нее, наперебой демонстрируя шелка, атлас и муслин, гладкие и в полоску, с набивным узором и переливчатые. Они перебирали вороха золотых и серебряных кружев и тесьмы, перьев, пряжек и китайских вееров, грудями выкладывали на прилавок ленты и оборки. София, как зачарованная, металась от одной кучи к другой.

— Думаю, что с розами из оранжево-красных лент и нижней юбкой из золотой парчи на меня непременно обратят внимание. Пожалуй, даже моей матери они пришлись бы по вкусу.

— Кэтрин никогда и в голову не пришло бы привлечь к себе внимание, вырядившись, словно балаганный паяц! — язвительно заметила леди Бернхэм и тут же одернула себя. «Легкое прикосновение к поводьям!» Она сделала глубокий вдох. — Что касается твоей матери, то чем проще было платье, тем ярче оно оттеняло ее красоту, —

лукаво произнесла леди Бернхэм. — Давай не будем спешить. Прежде чем сделать окончательный выбор, следует обратить внимание на качество...

Леди Бернхэм и сама не заметила, как увлеклась и, подавшись вперед, со знанием дела принялась перебирать выставленный напоказ товар, на время позабыв о своих евангелических убеждениях. При этом она отдавала себе отчет, что ей представилась прекрасная возможность преподать Софии урок хорошего вкуса и экономии и что другого шанса у нее может и не быть. Девушка, обладающая состоянием и положением Софии, едва ли будет склонна обращать внимание на то или другое. А сейчас София готова была выслушать ее, покоренная примером своей матери.

К вящей досаде торговцев, леди Бернхэм опытным взглядом провела настоящую ревизию разложенных тканей, указывая на признаки, отличающие дешевую материю от хорошей, и советуя, как подольше растянуть денежное содержание Софии, на что всегда должна обращать внимание элегантная здравомыслящая женщина, «сколько бы денег ни было в ее распоряжении», сурово заключила леди Бернхэм. Она также объяснила, что можно носить днем, а что вечером, прикладывая тот или иной отрез, дабы определить, какой цвет идет Софии, а какой — нет, и, самое главное, что следовало надеть молодой леди

шестнадцати лет, если она желала, чтобы окружающие обратили внимание на ее сходство с матерью. Ответов на эти вопросы не было. София вздохнула и погрузилась в молчание, когда леди Бернхэм распорядилась, чтобы приказчики унесли большую часть тканей, а несколько отобранных образцов переложили на соседний стол.

— А теперь скажи мне, дитя мое, кто приглашен на званый ужин?

— Только несколько торговцев. Голландцы, кажется. Папа обмолвился насчет каких-то переговоров и заключения торгового соглашения. Это имеет какое-либо значение?

— Гм. Имеет, разумеется. В Голландии и Бельгии с Люксембургом всегда в моде изящество без демонстративного выставления напоказ. Благочестивые они люди, эти голландцы. Что ж, для такого случая, полагаю... то есть твоя мать выбрала бы вот это и это... — Леди Бернхэм, начавшая получать удовольствие от процесса, быстро выбрала из оставшихся образцов голубой дамаст и, окинув критическим взором выставленные кружева, приложила к голубой ткани для платья белое, а затем кремовое бельгийское кружево. — Вот это, — провозгласила она, показывая на кремовый образец, и велела приказчику, чтобы он аккуратно отрезал его.

Затем она предложила несколько гладких и

цветастых отрезов муслина, кои, по ее мнению, как нельзя лучше подходят для утренних визитов и дневных платьев, и отрез черной саржи для нового костюма для верховой езды. Все это следовало упаковать и на следующий день доставить ее собственной портнихе.

После этого они приобрели лайковые перчатки, шелковые чулки, комнатные туфли без каблука телячьей кожи и, наконец, поддавшись неумному желанию Софии купить что-либо по собственному выбору, присовокупили к ним красные атласные туфельки на высоком каблуке со стразами, которые девушка сочла самыми замечательными из всех, что когда-либо видела. Будучи вне себя от радости, что обзавелась ими, София смирилась с тем, что все остальные покупки были не настолько броскими или яркими, чтобы соответствовать ее представлениям о роскоши.

Она вознамерилась было сделать еще один или два заказа по собственному выбору, когда леди Бернхэм отвернулась, но крестная не дала ей такой возможности, заявив, что очень устала, истратив чуть ли не полдня на покупки, и что они не должны заставлять экипаж ждать так долго. Еле переставляя ноги, София повиновалась и поплелась к карете, но в душе дала себе слово более никогда не обращаться за помощью к леди Бернхэм. Когда они вернулись домой, леди Бернхэм протянула Софии

маленькую книжечку с чистыми страницами.

— Теперь, когда ты начала получать содержание, моя дорогая, ты должна вести учет своих расходов. Отныне старайся записывать все свои покупки. Твой отец полагается в этом на тебя, и лучше всего начать делать это немедленно. Вот счета. — И она сунула несколько полосок бумаги в руку Софии.

Поднявшись наверх, в свою в гардеробную, София, недовольно фыркнув, положила бумажки и маленькую бухгалтерскую книжку на письменный стол. Похоже, куда ни повернись, кругом ее ждали уроки, которые следовало усвоить, но она все-таки решила выполнить просьбу леди Бернхэм — на тот случай, если отец попросит показать конторскую книгу. Девушка неприятно удивилась тому, в какую внушительную сумму обошлись ее новые платья и прочие покупки. Тем не менее особого значения это не имело, поскольку, произведя необходимые подсчеты, она обнаружила, что денег у нее осталось еще более чем достаточно. А ведь такое содержание она будет получать каждый год.

К счастью, ей не нужно беспокоиться о расходах, подумала она и отправилась примерять свои новые туфельки красного атласа. Перед зеркалом София провела целый час, восхищаясь тем, как замечательно они смотрятся на ней. Вот это действительно была утонченная роскошь!

Вечером того дня, когда должен был состояться званый ужин, София стояла у зеркала в своем первом взрослом вечернем платье, доставленном только сегодня утром, и наблюдала, как горничная расправляет на нем складки. Честно говоря, Софии оно не особенно понравилось. Она подумала, что все ее старания и хорошее поведение могли бы принести ей что-нибудь получше, нежели простое платье темно-синего дамаста с благонравным высоким воротом! Но горничная, затягивая шнуровку, заявила, что оно исключительно идет ее госпоже, после чего принялась восторгаться изысканными кружевами на юбке и рукавах, уверяя, что они чудесно смотрятся на синем фоне. Затем горничная повязала Софии на шею простую кружевную косынку вместо кулона со стразами и сережек, о чем втайне мечтала София, и, опять же, по настоянию леди Бернхэм зачесала волосы девушки назад, перевязав их бархатным бантом.

Софии очень хотелось послать за парикмахером, чтобы уложить их в изысканную прическу, завить, напудрить и украсить жемчугами и перьями, но она вновь вынуждена была, хоть и против воли, последовать совету крестной, которая заявила, что если прическа выглядит официальнее и сложнее платья, то это считается дурным тоном.

София оценивающе посмотрела на себя в

зеркало, повернула голову в одну, потом в другую сторону и, вздохнув, решила, что она, пожалуй, выглядит недурно, пусть и не сногшибательно. Признаться, девушка по-прежнему волновалась из-за того, сумеет ли она должным образом сыграть отведенную ей сегодня вечером роль, что, как понимала София, было очередной проверкой, которую устраивал ей отец. Поначалу она подумала, что за ужином от нее требуется лишь мило улыбаться да хорошо выглядеть. Но нет, оказывается, ей предстояло запомнить и сделать бесконечную массу вещей; ей надавали столько советов о том, что касается ее обязанностей в качестве хозяйки, что она с ужасом ожидала предстоящего вечера.

Представления лорда Графтона о том, какой должна быть хорошая хозяйка, сформировались в шумных дипломатических салонах и на приемах по всей Европе. Как правило, настоящая хозяйка вечера должна была разбираться в том, что интересовало ее гостей. И потому, исходя из этих соображений, он прочел дочери целую лекцию о голландцах, о важности их торговых переговоров с Англией и условий соглашения, пока София не прикрыла рот рукой, чтобы скрыть лукавую улыбку.

— Папа, если я тебя правильно понимаю, ужин должен очаровать голландских посланников и

завуалировать тот факт, что договор этот принесет огромную пользу Англии именно за их счет!

Лорд Графтон расхохотался во все горло, умиляясь тому, как быстро София сообразила, в чем суть вопроса.

— Да, моя дорогая, и твое присутствие за ужином отвлечет их внимание от этого факта.

Леди Бернхэм и миссис Беттс, в свою очередь, долго и нудно наставляли ее насчет обязанностей хозяйки, которая должна следить за тем, чтобы гости чувствовали себя комфортно, а ужин проходил ровно, и при этом сглаживать неловкие паузы в разговоре и подавать знак слугам, если требуется перемена блюд. Леди Бернхэм вновь и вновь заставляла ее приседать в реверансе, после чего тщательно проинструктировала насчет того, как следует подавать руку, обмениваться приветствиями с гостями и вести их в столовую, опираясь на руку отца, и как после ужина она должна оставить джентльменов одних за бокалом вина, после чего предложить им кофе в гостиной.

Маленькие позолоченные часы в комнате Софии пробили роковой час, когда она должна была появиться в гостиной. Она нервничала так сильно, что все советы вылетели у нее из головы. Она сделает все не так, поставит отца в неудобное положение, и вечер выйдет просто ужасным, а о танцах на балу можно будет забыть навсегда. Надев

свои красные туфельки, она спустилась по лестнице так медленно, как только могла, отчасти потому, что еще не привыкла к новой обуви, которая требовала осторожности, а отчасти из-за того, что с каждым шагом в животе у нее все туже скручивался ледяной комок паники.

Лакей, ожидавший у дверей, чтобы распахнуть их, знал Софию с самого детства и помогал ей сохранить в тайне ее выходки. Сейчас она с отчаянием взглянула на него, он же одобрительно улыбнулся ей.

— Не волнуйтесь. Сегодня вечером у вас все получится, мисс София, — прошептал он. Затем распахнул дверь и София услышала, как прозвучало ее имя.

Гостиная перед нею была залита светом свечей и до отказа заполнена мужчинами в строгой темной одежде, оттенявшей ослепительно-белые воротнички и аккуратно подстриженные бородки. Прерывая негромкий гул разговоров, лорд Графтон шагнул вперед и сказал:

— *Heren, mag ik mijn dochter Sophia aan u voorstellen?* Джентльмены, позвольте представить вам мою дочь Софию.

Все присутствующие моментально умолкли и обернулись к ней. В полном молчании вся эта компания дружно поклонилась.

София замерла на месте.

— Ой! — пролепетала она, испытывая непреодолимое желание стремглав броситься наверх, в знакомый уют и безопасность классной комнаты, но вовремя поймала взгляд отца.

Сделав глубокий вдох, она присела в реверансе. Это был универсальный и вежливый способ для женщины выйти почти из любого положения, и, кроме того — леди Бернхэм изволила улыбнуться, давая ей этот совет, — реверанс давал ей время подумать, как вести себя дальше, так что Софии предстояло на собственном опыте убедиться в том, как полезно иметь секунду-другую, дабы собраться с мыслями.

И сейчас ей в голову пришла спасительная мысль: «Слава богу, что я надела темное платье! Любой другой наряд в подобном обществе смотрелся бы чрезвычайно странно!»

Выпрямляясь после реверанса, она с изумлением обнаружила, что мужчины смотрят на нее с восхищением, и сделала интересное открытие. В мгновение ока положение дел переменилось самым решительным образом. Наклоняя голову и приседая, она была еще ребенком, а выпрямилась уже молодой леди — мисс Графтон, которой исполнилось столько же лет, сколько и ее матери, когда та вышла замуж. Реверанс, длившийся несколько мгновений, навсегда унес с собой неуклюжую девочку, которую звали Софией.

Осознание этого сладкой дрожью страха и возбуждения прокатилось по ее телу, заставляя одновременно шагнуть вперед. Протянув руку первому же попавшемуся голландскому купцу, она, запинаясь, пробормотала, что надеется на то, что он и его спутники чувствуют себя здесь как дома. Затем она вежливо обернулась к другому гостю и нервно осведомилась, понравился ли ему Лондон. Третьему она пожелала хорошей погоды вместо ливня, хлеставшего за окнами.

Она неспешно обошла комнату по кругу и торжествующе улыбнулась отцу, когда прозвучало объявление, что ужин подан, и, опершись на его руку, повела гостей в столовую с таким видом, словно проделывала это каждый день.

Едва успев занять свое место за столом, София принялась опекать гостей, словно курица своих цыплят. К вящей досаде дворецкого, она то и дело подавала знаки слугам наполнить бокалы вином или принести очередное блюдо, хотя в том не было решительно никакой необходимости; безукоризненно вышколенная прислуга лорда Графтона давно привыкла к плавному течению торжественных ужинов и приемов. Кроме того, девушка напряженно прислушивалась к разговорам, чтобы понять, не возникает ли в них неловких пауз, поскольку леди Бернхэм говорила ей, что хорошая хозяйка не допустит того, чтобы ее гости

погрузились в унылое молчание. Она должна сделать так, чтобы все принимали участие в застольной беседе.

— Но как этого добиться, леди Бернхэм? Что я должна говорить? — причитала София, которую перспектива вовлечь в разговор множество мужчин привела в ужас.

— Просто задавай общие вопросы, моя дорогая. Например, поинтересуйся, понравился ли им Лондон, или попроси рассказать о городах их страны. Они же голландцы. Упомяни тюльпаны, если в том возникнет необходимость, но при этом позволяй мужчинам самим направлять разговор. Тебе вовсе необязательно говорить больше всех. Джентльмены, как правило, предпочитают слушать самих себя, а что скажет в их обществе женщина, не имеет особого значения.

София оказалась в затруднительном положении. С одной стороны, утверждение леди Бернхэм о том, что женщина должна говорить как можно меньше, вполне устраивало ее, но с другой — прямо противоречило убеждению ее отца, полагающего невежество самой отталкивающей чертой в женщине. Лорд Графтон считал, что женщине следует относиться к ведению разговора с той же тщательностью, что и к выбору платья. В качестве примера он объяснил ей подноготную торгового соглашения, которое Англия надеялась

заклучить с Голландией. Откровенно говоря, оно показалось Софии весьма интересным.

— Очень хорошо. Я могу обсудить ход торговых переговоров, которые ведет папа. Он все мне объяснил, вот только, по моему мнению, английские купцы получают куда бóльшую выгоду, чем голландские, хотя последние пока еще не понимают этого, потому что условия сформулированы так, что...

Леди Бернхэм покачала головой.

— Ни в коем случае! Даже не заикайся о соглашениях или условиях! Предоставь суждения и высокие материи мужчинам, — решительно заявила она.

Поэтому за ужином, хотя о соглашении было сказано очень много, София почла за лучшее последовать совету леди Бернхэм. Она держала свое мнение при себе, вежливо улыбалась, поворачиваясь от своего соседа справа к собеседнику по левую руку, позволяя им вволю разглагольствовать о выгодах, кои сулит Голландии новый торговый договор. София полагала, что они сильно ошибаются, но помалкивала. Лорд Графтон держал хороший стол, а вино ему поставлял один из лучших торговцев, так что атмосфера становилась все более дружеской и непринужденной. София попыталась изобразить живейший интерес, когда мужчины принялись с энтузиазмом описывать ей

Амстердам и Делфт, умело подавляя зевок при бесконечной перемене блюд — устриц, лангустов с кремом-ликером, отбивной баранины, оленины, телячьих языков, карпа, жареных голубей, горошка по-французски и роскошного пудинга с сахарными лебедями.

К этому моменту София перебрала уже все темы для разговора, включая тюльпаны, и теперь ломала голову, что бы сказать еще, как вдруг увидела, что отец коротко кивнул, когда на стол подали портвейн, мадеру и орешки. С чувством невыразимой благодарности она тут же вскочила и оставила мужчин одних. Теперь ей оставалось лишь предложить гостям кофе в гостиной, после чего можно будет отправляться спать.

Прощаясь с лордом Графтоном по окончании ужина, голландские купцы рассыпались в похвалах его очаровательной юной хозяйке дома, которая доставила им несказанное удовольствие своими улыбками и любезным вниманием. Сама же юная хозяйка буквально валилась с ног от усталости и, расшнуровывая новое платье, с радостью думала о том, что наконец-то сбросила со своих плеч груз ответственности. Выпив бокал мадеры с простым печеньем, она повалилась в постель, благодаря Небеса за то, что вечер закончился.

На следующее утро за завтраком отец передал ей комплименты гостей, присовокупив к ним

несколько своих собственных. В заключение он заявил, что ее мать гордилась бы ею. София поняла, что это была действительно очень ценная похвала, и покраснела от радости.

— Спасибо, папочка. Но я так рада, что все уже закончилось, — произнесла она, намазывая хлеб маслом.

Лорд Графтон покачал головой:

— Вовсе нет, моя дорогая. Теперь ты уже совсем взрослая и проявила себя столь хорошо, что отныне станешь исполнять роль хозяйки дома.

— Как славно! — едва слышно пролепетала София. У нее упало сердце. Но потом личико у девушки просветлело. — Зато теперь, полагаю, мне понадобится множество новых платьев.

Глава четвертая

Достопочтенная София Графтон

Лорд Графтон с удовлетворением и некоторым изумлением наблюдал за тем, как София избавлялась от подростковой неуклюжести, вживаясь в свою новую роль и принимая на себя связанные с нею обязанности, и отмечал, сколь успешными оказались его методы. Выступая в качестве хозяйки дома своего отца, она становилась

все более уравновешенной и уверенной в себе, что, в свою очередь, подкрепляло ее вновь обретенное хорошее поведение. Она начала чувствовать себя легко и непринужденно в любой компании, а ее манеры стали более утонченными и образцовыми. Кроме того, ее внешность также доставляла ему удовольствие. Она выглядела именно так, как и подобало молодой женщине из семейства Графтон: ее наряды были элегантными, но при этом отличались сдержанностью; одевалась она неизменно очаровательно, но опрятно и скромно. Никто не посмел бы упрекнуть мисс Графтон в экстравагантности или фривольности, неуклюжести или грубости и не стал бы, как часто случалось со светскими дамами, едко высмеивать ее вкус в платьях или шляпках, рисуя сатирические карикатуры в газетах.

Благодаря столь очаровательной молоденькой хозяйке дома о его званых ужинах вскоре уже заговорил весь Лондон. Что касается Софии, то она сделала приятное открытие: ее новая взрослая роль дала ей возможность отдавать распоряжения относительно ужинов, цветов и многого другого, что вполне пришлось ей по вкусу. Появились у нее и новые платья, причем столько, сколько она пожелала, хотя отец по-прежнему настаивал, чтобы дочь придерживалась задаваемых леди Бернхэм предпочтений в отношении высоких вырезов и

сдержанности во вкусе, говоря, что это прекрасно соответствует ее положению и возрасту. Она взяла себе за правило аккуратно записывать собственные расходы и вести учет, хотя и нередко заявляла леди Бернхэм, что не видит в этом ни малейшей нужды; она тратила столько, сколько полагала нужным.

София много времени проводила перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон. И хотя она была твердо уверена в том, что является точной копией своей матери, портрет которой висел в гостиной, девушка нередко спрашивала себя, а будет ли она когда-либо вызывать подобное обожание и восхищение. София полагала, что в общем и целом выглядит весьма недурно: тонкая талия и достаточно высокий рост позволяли ей ощущать себя элегантной, каштановые волосы искрились живым блеском, носик был маленьким, а кожа — чистой. Хотя при этом она не сомневалась, что могла бы выглядеть куда лучше, если бы ей дали полную свободу в том, что касалось ее туалетов. Она была уверена в том, что платье золотой парчи с низким вырезом на груди, напудренное личико и декольте, полные губы, покрашенные розовой помадой, и бархатная мушка в форме сердечка на щеке сделают ее одной из первых красавиц в обществе и вызовут всеобщее восхищение. Но убедить в этом леди Бернхэм она так и не смогла.

Лорд Графтон решил, что София уже вполне готова к тому, чтобы появиться в обществе, и сообщил ей радостную новость о том, что на Рождество она будет представлена при дворе. А после того как София впервые выйдет в свет, она сможет появляться на балах и танцевать столько, сколько ей вздумается. Лорд Графтон ничуть не беспокоился насчет ее первого сезона, полагая его лишь кратким периодом развлечений совместно с другими молодыми людьми между учебой и замужней жизнью в деревне и материнством. Пусть уж танцует, с кем хочет, снисходительно думал он. Вреда от этого не будет. Он полагал, что София, в отличие от многих юных девушек, начисто лишена романтической сентиментальности, и был уверен, что она никогда не забудется настолько, чтобы влюбиться, как пишут в романах, без его одобрения и позволения. Они с леди Бернхэм приложили все усилия к тому, чтобы она уяснила, в чем заключается ее ответственность перед будущим.

Пока София с головой ушла в подготовку к столь знаменательному событию, лорд Графтон принялся составлять краткий список подходящих женихов. В аристократических фамилиях на первом месте неизменно стояла обязанность продолжения рода, и браки представляли собой династические союзы, заключаемые еще в то время, когда их участники были совсем юны. И если девушка,

выпорхнув из классной комнаты, еще не была замужем, но получала право на первый сезон, то целью родителей было познакомить с нею представителей приличных семей, дабы заключить как раз такой союз. Обыкновенно уже к концу своего первого сезона девушка с хорошей родословной была обручена и вскоре выходила замуж. И, составляя такой список, лорд Графтон делал именно то, что от него и требовалось.

Лорд Графтон полагал, что условия, предъявляемые им к супругу Софии, не станут препятствием для ее брака, не говоря уже о ее состоянии. Он наивно верил, что руки Софии претенденты станут добиваться и ради нее самой — она была всем, чем и должна быть мисс Графтон. В том, что его дочь была настоящей красавицей, у него не оставалось ни малейших сомнений. Прежняя девчонка-сорванец исчезла без следа. Теперь в ней непостижимым образом сочетались приятные, изысканные манеры и живой, острый ум, которые забавляли его и приводили в отчаяние ее крестную мать. София станет украшением любого дома, и ее супругу, кем бы он ни был, не придется скучать в ее обществе. Да, в ней чувствовалась властность, и она обожала командовать, но лорд Графтон полагал, что это качество весьма пригодится ей впоследствии, когда ей придется заботиться о своей семье, разбираться с

проблемами прихода и осуществлять надзор за воспитанием и образованием своих детей.

Леди Бернхэм, которую куда больше заботила нравственная чистоплотность, нежели внешний вид или ум, старалась привить своей подопечной достойные принципы и чувство «положение обязывает», кои должны быть неотъемлемой частью характера любой знатной дамы. Разумеется, Графтоны щедро жертвовали на то, чтобы облегчить положение бедняков и неимущих в графстве, выстроили дом призрения и отремонтировали дома арендаторов, а Кэтрин даже основала в деревне школу. И София должна быть готова продолжить их дело.

Леди Бернхэм была вознаграждена уже тем, что ее усилия пробудили в Софии чувство долга по отношению к тем деревенским жителям, кто веками служил семейству Графтон. Девушка тщательно и подробно расспросила крестную о своей будущей роли в деревне. Собственно говоря, перспектива обзавестись новой сферой влияния привела ее в восторг. София уже представляла, как арендаторы Графтонов приседают перед нею в реверансе или обнажают головы, а сама она — в симпатичной шляпке и длинной мантилье — отдает распоряжения о том, как сделать школу лучше, вручает награды и знаки отличия и великодушно раздает детишкам сладости и Библии. К ней будут

уважительно обращаться учителя, ее будут любить и обожать так же, как и ее мать.

Но для Софии эти розовые перспективы представлялись куда более отдаленным будущим, нежели полагал лорд Графтон. Он много думал о том, каким бы хотел видеть будущего мужа Софии, и даже заготовил перечень возможных союзов. В своем выборе он полагался на два критерия. Во-первых, супруг Софии должен подходить на роль главы будущей династии Графтон, и положение в обществе либо состояние не играли здесь особой роли. Софии вовсе не обязательно было выходить замуж, дабы обзавестись титулом или добавить к своему имени иной знак отличия. Графтоны древностью рода превосходили не только Ганноверскую династию и Стюартов, но и Тюдоров и даже Плантагенетов, поэтому старинная родословная Софии перевешивала любой более поздний титул. За кого бы ни вышла замуж София, она навсегда останется Графтон и дочерью виконта. Что касается состояния, то и здесь выходить ради него замуж ей не было нужды. Ее собственное состояние было весьма внушительным для кого угодно, а поместье Графтонов вообще считалось бриллиантом в его короне.

Нет, самым главным, по мнению лорда Графтона, было то, что муж Софии должен быть джентльменом, иметь безупречную репутацию и

характер, крепкое здоровье и полное отсутствие дурных наклонностей и пороков. Лорду Графтону довелось многое повидать в жизни, и он прекрасно понимал, что большинство молодых холостяков, увивающихся сейчас вокруг Софии, не отвечают требованиям, которые он предъявлял к будущему патриарху семейства Графтон. И хотя в обществе бытовало мнение, что выйти замуж за одного из этих молодых людей означало заключить хороший брак, он все же навел кое-какие справки. В результате лорд Графтон выяснил, что многие из них имеют дурные привычки, уже успели промотать целые состояния на скачках и за игорным столом, часто бывают в борделях или содержат любовниц. Как следствие, кое-кто из них уже переболел сифилисом или иной неприличной болезнью, в результате чего тела их были покрыты язвами или гнойными прыщами, промежность горела огнем, а мочились они неприятной липкой жидкостью. Лорд Графтон знал, что дети, рожденные от таких отцов, зачастую страдали слепотой или седловидным носом, унаследованным от своего родителя, который нередко заражал и собственную жену. Точно так же, как гнойнички можно было запудрить до неразличимости, так и титул и состояния заставляли родителей дочек на выданье закрывать глаза на наличие подобных болезней, но избежать долговременных

последствий все равно не удавалось. Он ни за что не выдаст Софию замуж за мужчину, способного зачать умственно неполноценного ребенка, промотать состояние Графтонов или, самое главное, заразить ее неприличной болезнью. В этом вопросе он был непоколебим.

Ну и во-вторых, он должен быть уверен в том, что будущий муж сможет сделать Софию счастливой. Хотя предполагаемый супруг его дочери должен быть человеком серьезным и здравомыслящим, лорд Графтон вовсе не был домашним тираном. Счастье Софии было для него превыше всего. Разумеется, он не заходил так далеко, чтобы полагать, будто София должна выйти замуж исключительно по любви. Подобные мысли редко приходили в голову отцам, пребывающим в положении лорда Графтона. Но он хотел быть уверен в том, что этот человек полюбит Софию и сможет пробудить в ней ответную привязанность и уважение.

Если бы лорд Графтон повнимательнее присмотрелся к составленному им плану, он бы наверняка заключил, что, возможно, старается устроить все таким образом, чтобы София и ее супруг прожили вместе долгую и счастливую жизнь, воспитав много детей, чего были лишены он сам и Кэтрин. Но он не заглядывал себе в душу настолько глубоко и попросту верил в то, что

задуманный им проект пойдет на пользу семье.

К воплощению этого плана в жизнь он подошел весьма рационально. После наведения некоторых справок лорд Графтон составил список потенциальных кандидатов и решил устроить несколько званых ужинов и приемов, дабы София смогла лично встретиться с ними. Подобные встречи представлялись ему необходимыми, поскольку он подозревал, что многие из тех, кого он полагал достойными претендентами на руку его дочери, попросту не бывают на балах, а если и бывают, то уже не танцуют. Да и в любом случае бал не предполагал сведения знакомства, в ходе которого возможно было прояснить характер мужчины и позволить Софии решить, кто из них нравится ей более всего. Когда же она определится со своими предпочтениями, лорд Графтон вступит в переговоры с семьей претендента, после чего вопрос будет передан в руки стряпчих, дабы те составили брачный контракт и договор, регулирующий будущие имущественные отношения супругов. В общем, к лету София наверняка уже будет обручена, а к осени выйдет замуж.

И уже менее чем через год в колыбельке в старой детской в Сассексе будет лежать внук, о котором он так давно мечтал.

Руководствуясь столь филантропическими и

рациональными мотивами, лорд Графтон даже не задумывался о том, что претенденту, возможно, будет трудно удовлетворить требования и отца, и дочери, сколько бы любящим ни был первый и послушной — вторая. Лорду Графтону почему-то не пришло в голову, что достоинство, высокие моральные принципы и рассудительность, кои ему самому представлялись столь необходимыми, придется по вкусу и его шестнадцатилетней дочери, особенно с учетом того, что замужество обяжет ее отказаться от головокружительных увеселений Лондона ради домашней жизни в деревне.

Итак, лорд Графтон, приняв меры к организации первого из ужинов, во время которого должно было состояться представление потенциальных мужей, занялся иными, не менее неотложными делами. Его решение подать в отставку принесло ему неожиданное вознаграждение за долгие годы службы, когда король пожаловал ему большой участок необработанной земли в Вирджинии, колонии в Америке. Весь Лондон уже обсуждал этот подарок и то, сколь большое состояние принесет эта табачная плантация лорду Графтону. И хотя сам виконт был бы только рад заполучить еще одно состояние в какой угодно форме, он куда лучше других знал, что король обладает тяжелым, неискренним характером и изощренным нравом. И

поэтому плантация эта представлялась виконту не столько знаком королевской благодарности, сколько очередной интригой, призванной послужить на пользу стратегическим интересам Англии.

Узнав же о том, что его плантация находится в необжитой юго-западной части Вирджинии, он догадался, что король не столько стремился вознаградить его за верную службу, сколько рассчитывал расширить буферную зону британских поселений на границе Вирджинии в качестве бастиона против посягательства французов на новые территории, медленно расширяющих зону своих владений на Миссисипи и в Огайо. К той же самой политике, насмешливо подумал лорд Графтон, прибег и Вильгельм Завоеватель, раздававший земли своим рыцарям, в числе коих был и Хьюго де Графтонн, дабы те воздвигали на них укрепленные замки для обороны побережья Англии.

Но плантация лорда Графтона стала предметом обсуждения и сплетен в высшем обществе. Его поместье в Вирджинии занимает площадь никак не меньше тысячи акров, говорили одни; другие же уверяли, что она составляет пятьсот тысяч акров; тогда как третьи клялись, что речь идет о целом миллионе акров. И за счет одного табака, не говоря уже о лесе, а еще, быть может,

рудниках и пшенице, состояние Графтона удвоится или даже утроится. Лорд Графтон лишь смеялся, когда до него доходили подобные нелепицы. Разумеется, он видел и карту пожалованных ему земель, и купчую крепость на них, но так и не решил для себя, сколько же именно земли ему принадлежит. Пожалуй, тысяч десять или пятнадцать акров. Документы были слишком быстро составлены по велению короля, территорию даже не осмотрели толком, к тому же там пока вообще ничего не росло, поэтому точно определить ее границы по горам и рекам еще только предстояло.

Свои новые владения он представлял весьма смутно, да и находились они так далеко, что вполне могли располагаться и на Луне. Лорд Графтон смеялся над предположениями о том, что он переселится на постоянное место жительства в Вирджинию. Выращивание табака — занятие для молодого человека, а он в своем возрасте уже не имел ни малейшего желания переплыть океан и жить на плантации в глуши Вирджинии, диком и поросшем густыми лесами медвежьим углом, кишевшем дикими зверями и индейцами. Одна только мысль об этом вызывала у него дрожь: он обнаружил, что ему становится смертельно скучно в деревне даже в тех редких случаях, когда его непродолжительный визит в Сассекс становился

неотложной необходимостью.

Но поскольку он едва ли мог отказаться от королевского подарка, друзьям со временем удалось убедить его, что он должен что-то с ним делать. Землю можно было использовать одним из двух способов: или нанять местного управляющего, который выращивал бы табак, а потом отправлял его в метрополию, или же сдать ее внаем какому-либо плантатору, который отчислял бы ему часть прибыли. Было решено, что последнее предложение сулит лорду Графтону больше выгод и меньше хлопот.

Ему посоветовали отправить в Вирджинию агента, который бы оценил собственность и составил бы план ее возделывания. Его стряпчие навели необходимые справки и порекомендовали некоего мистера Джорджа Баркера, который недавно вернулся в Англию после того, как продал в Вирджинии свою собственную плантацию, расчистив и обработав тысячи акров в южной части колонии, на чем и заработал себе состояние. В Англию он вернулся богатым человеком и недавно женился. Мистер Баркер не горел желанием расставаться со своей молодой женой, но, когда ему посулили приличную сумму, он в конце концов согласился вернуться в Вирджинию и оценить земельную собственность, привести ее в порядок и посадить первый урожай табака.

Однажды в конце апреля с утренней почтой прибыл первый отчет мистера Баркера. София зевала над чаем после состоявшегося прошлым вечером бала, где она во время танцев протерла свои туфельки до дыр, и с трудом пыталась сосредоточиться на письме, которое лорд Графтон читал вслух. Мистер Баркер сообщал ему, что основной участок расположен в долине реки и что там можно выращивать табак не хуже качеством, чем в любой другой части Вирджинии, в частности сорт «ориноко», который пользовался большой популярностью в Европе. В том, что плантация принесет лорду Графтону целое состояние, не было ни малейших сомнений. Однако он вновь подчеркнул, что для этого понадобятся значительные инвестиции.

Прежде чем приступить к возделыванию земли, ее необходимо расчистить, к тому же многое придется заказывать в Англии: сельскохозяйственный инвентарь и орудия, гвозди, кирпич и прочие инструменты; хотя, к счастью, их можно было переправить на плоту из Йорктауна или берегового склада на реке Джеймс. На пожалованную Графтону землю, несмотря на то что она находилась в необжитой части Вирджинии и на большом удалении от побережья, по счастливому стечению обстоятельств можно было добраться по реке, судоходное русло которой было обнаружено

совсем недавно и проходило через горный массив. Это означало, что поставки из Англии и отправку табака в метрополию можно будет осуществлять по воде, конечно, при условии, что уровень ее в реке окажется достаточно высоким. Впрочем, можно было перевозить товары и по суше, фургонами вдоль берега, но это обойдется значительно дороже. Поэтому им придется выстроить и причал со складом на реке.

Он также советовал немедленно приступить к возведению каменного дома. Мистер Баркер не мог задерживаться в Вирджинии дольше срока, необходимого для первого сбора урожая табака и подтверждения соответствующего дохода, после чего плантацию следовало передать в аренду другому плантатору за долю в том, что сулило колоссальную прибыль. Поскольку виргинцы придавали большое значение своим домам, то для того, чтобы плантатор мог спокойно жить в такой дали от населенной части колонии, требовался крепкий кирпичный особняк на шесть или восемь комнат в колониальном стиле. Его наличие значительно повысит стоимость плантации, если в будущем виконт решит продать ее.

Кирпич, писал он, стоит дорого, но избежать этих расходов не удастся. Лучшие дома в Вирджинии были построены именно из кирпича, а не из дерева. Лорд Графтон вскипел:

— Но ведь в Вирджинии наверняка много леса! И дом из дерева вполне подойдет колониальному табачному плантатору!

— Полагаю, мы должны предоставить мистеру Баркеру самому судить об этом, папа, — вздохнула София, которую уже начал утомлять этот виргинский бизнес.

— Господи помилуй, Баркер даже дал плантации имя! — воскликнул лорд Графтон.

В письме говорилось, что в соответствии с виргинскими обычаями сделать это следовало немедленно, чтобы в дальнейшем туда можно было направлять письма и припасы из Англии. Мистер Баркер взял на себя смелость назвать земли Графтона плантацией «Лесная чаща», сочтя подобное наименование вполне подходящим, поскольку они располагались в лесистой местности, и теперь лорд Графтон мог отправлять свои письма на плантацию именно по этому адресу. Правда, к нему следовало прибавить: «что лежит к западу от графства Амелия на раздвоенном рукаве реки между Лягушачьей горой и горой Лягушонок».

— Лягушачья гора? И гора *Лягушонок* ? Лесная чаща? Что за очаровательные деревенские названия! — София намазала гренки маслом и налила себе еще чашку чаю.

Лорд Графтон улыбнулся.

— Вот уж воистину деревенские. Но их едва

ли можно назвать очаровательными. И вообще, Вирджиния представляется мне довольно-таки странным местом.

Когда он принялся читать Софии следующий абзац из письма мистера Баркера, его улыбка увяла, ибо тот выражал сожаление, что не включил в первичную смету расходов по освоению земельного участка дополнительную сумму наличными, необходимую для покупки рабов, дабы те расчистили и вспахали землю, а потом посеяли, собрали табак и закончили строительство.

— Рабов, папа?

— Как следует из письма мистера Баркера, без них вырастить табак невозможно.

— Но, папа, разве ты не помнишь, как миссис Бернхэм говорила, что добрые христиане должны питать отвращение к торговле человеческими существами? На одном из собраний об этом говорила какая-то леди-квакер. Должна признаться тебе, что, хотя тамошние ораторы частенько заставляли меня закрывать глаза и молиться о том, чтобы все поскорее закончилось и мы могли бы уйти, в ее изложении это звучало столь безнравственно, что я невольно прислушивалась. Почему не привлечь к этому арендаторов и наемных работников, как мы делаем это в Сассексе?

— Дорогая моя, мы не выращиваем табак

в Сассексе. Вопросы ведения деловых предприятий и табака находятся выше понимания леди Бернхэм, каковое во всем остальном остается поистине превосходным. Для выращивания табака целесообразнее использовать рабов, а не наемных работников.

— Но, папа, если рабство при всей своей целесообразности вызывает возражения, то леди Бернхэм говорит, что добрый христианин должен решительно отвратиться от целесообразного зла и прибегнуть к правильному способу действия, сколь бы трудным или неудобным тот ни казался. Она говорит...

— София, хотя твои рассуждения вторят доводам евангелистов и квакеров, ты ведешь себя как самый настоящий иезуит! Впрочем, полагаю, что я сам в этом виноват. Не волнуйся. Я распоряджусь, чтобы с рабами обращались так, как с нашими слугами. Это вполне в порядке вещей, когда одни рождаются для услужения другим, будь то в качестве слуг или рабов. — Лорд Графтон заговорил резким тоном, что было ему несвойственно. Еще больше его встревожили дополнительные вложения, коих потребовал мистер Баркер. Деньги, опять деньги! А ведь он понятия не имел, во сколько ему обойдутся рабы. По словам мистера Баркера, для того чтобы приступить к работе, требовалось несколько дюжин здоровых и

крепких мужчин, которые стоили совсем недешево, поскольку в них нуждались все землевладельцы без исключения. Но тут уж ничего поделать было нельзя; заем придется увеличить, равно как и сумму залога на поместье.

Впрочем, лорд Графтон вновь получил заверения, что финансовая ноша окажется кратковременной. Согласно существующей практике, когда первый урожай табака из «Лесной чащи» отправится в Англию, комиссионеры перечислят ему авансовый платеж в счет будущих урожаев и он сможет сразу же погасить заем. Но сейчас крайне важно, чтобы лорд Графтон незамедлительно перевел деньги, потому что без них «Лесная чаща» не представляет никакой ценности, а задержка приведет к тому, что посевной период будет бездарно упущен. Цена же на виргинский табак неуклонно растет. При наличии достаточного количества рабов и хорошего управления плантацией он очень быстро начнет получать доход.

Лорд Графтон послал за своими поверенными. Те согласились, что мистер Баркер должен купить рабов и что табак, особенно пользующегося большой популярностью сорта «ориноко», который, по словам мистера Баркера, хорошо там растет, позволит виконту быстро рассчитаться с долгами. Поверенные очень хорошо понимают положение, в

котором оказался лорд Графтон. Подобно многим старинным землевладельческим фамилиям, лорд Графтон богат землею, но беден наличными деньгами. Хотя состояние Графтонов и было велико, оно преимущественно чуть ли не целиком было вложено в земельную собственность, причем в куда большей степени, чем он полагал, а образ жизни, к которому привыкли Графтоны и который он сам вел с тех пор, как унаследовал титул, на протяжении вот уже нескольких поколений все больше обеспечивался за счет кредитов. И хотя кредитное обеспечение Графтонов всегда было надежным, поверенные в крайне тактичных выражениях советовали лорду Графтону ни в коем случае не упускать возможности пополнить семейное состояние дополнительным доходом. Однако же, настаивали они, лорду Графтону решительно не о чем беспокоиться; использование английской собственности в качестве залога в случае, когда для целей, связанных с американскими колониями, требовались денежные средства, считалось нормальной практикой.

Лорд Графтон вздохнул и покачал головой:

— Не нравится мне это дело.

Условия займа и проценты по нему представлялись ему возмутительными, но поверенные настаивали на том, что так бывает всегда, когда срочно требуется крупная сумма

денег. А текущая задолженность будет погашена через год или полтора, и он сможет более не беспокоиться о ней.

В конце концов лорд Графтон сдался, и ему на подпись принесли все необходимые бумаги. Владение плантацией на правах собственности он завещал Софии, право распоряжаться доходом от которой она получит или в случае замужества, или достигнув возраста двадцати одного года, в зависимости от того, какое событие наступит первым. Поверенные поздравили его с увеличением приданого дочери и удачным брачным контрактом.

Покончив с делами, лорд Графтон вновь перенес все внимание на Софию, чьи матримониальные перспективы стали предметом самого широкого обсуждения и досужих домыслов. Вокруг нее быстро образовался кружок лондонских денди, кои уверяли ее в своей преданности, присылали ей поэмы, отпускали комплименты и отталкивали друг друга локтями за право потанцевать с нею. Уже было сделано несколько предложений руки и сердца, но лишь немногие из претендентов соответствовали представлениям лорда Графтона о том, каким должен быть будущий супруг Софии. Однако же те несколько кандидатов, о ком он отзывался с теплотой, удостоились лишь безапелляционного вердикта Софии — «слишком старый» или «слишком скучный». Обычно это

означало: «Они не танцуют».

София всегда знала об условиях своего замужества, и ей никогда и в голову не приходило усомниться в правильности отцовского плана. Она родилась с осознанием того, что положение в обществе влечет за собой определенные обязательства. Но, с другой стороны, жизнь состоятельной молодой леди в Лондоне, не знающей иных забот и хлопот, кроме выбора платьев и партнеров по танцам да очаровательного поведения по отношению к друзьям отца, была и впрямь очень сладкой. По сравнению с балами и зваными приемами, увеселительными парками и театрами, долг не выглядел слишком уж заманчиво, и она не видела причин спешить к алтарю, обрывая чрезвычайно приятное времяпрепровождение.

В глубине души София считала своих фатоватых и тщеславных поклонников стаей павлинов и, подобно отцу, не видела ни в одном из них своего будущего супруга, зато у них самих пользовалась авторитетом признанной красавицы. Они были забавными, а большинство умели весьма недурно танцевать. А вот ухажеры, знакомство с которыми отец понемногу начал навязывать ей, вызывали у девушки раздражение. Она недоумевала, как такой умный, образованный и известный человек, как ее отец, мог рекомендовать ее вниманию подобных флегматичных и не

располагающих к себе личностей. Его званые ужины, во время которых он представлял ей кандидатов из своего списка, понемногу превращались для нее в настоящую пытку, пока она с трудом находила общие темы для разговора с одним олухом средних лет за другим.

И вдруг она поняла, что готова потерять голову из-за темноволосого, синеглазого, крепкого и сильного ирландского джентльмена, который не был ни павлином, ни занудой, а вел себя одинаково обаятельно со всеми. Каким-то непонятным образом он притягивал к себе взоры всех присутствующих, стоило ему войти в комнату. Он оживлял любую компанию, к которой присоединялся, поддерживал дружеские отношения с теми, кто был младше его, и сохранял подчеркнуто уважительный тон с теми, кто превосходил его возрастом. Его изысканные манеры и обыкновение смотреть женщине прямо в глаза — словно говоря при этом: «Ах, какая красавица! Пусть мое сердце невозбранно разговаривает с вашим» — заставляли трепетать сердца и юных, и зрелых дам. Он любил танцевать и так часто выбирал своей партнершей Софию, что окружающие не могли этого не заметить, соглашаясь с тем, что ее красота и его галантность прекрасно дополняют друг друга. У него всегда находилась в запасе какая-нибудь новая забавная

история, отчего она весело смеялась, и неизменный комплимент, полный скрытого смысла, заставлявший ее заливаться жарким румянцем. А однажды вечером, во время перерыва в танцах, он увлек ее в оранжерею, где среди цветущих апельсиновых деревьев сжал в объятиях и очень медленно, но настойчиво и приятно поцеловал. У Софии закружилась голова от тяжелого запаха апельсиновых цветков и трепетного прикосновения его усиков к ее губам, шее и ложбинке за ухом. Это было самое восхитительное и волнующее ощущение, которое она когда-либо испытывала, и ей очень хотелось, чтобы он и дальше продолжал целовать ее, но им помешала какая-то парочка, пожелавшая сорвать несколько цветущих побегов для девичьей бутоньерки. И Софии с неохотой пришлось вернуться к танцам.

Впоследствии она вновь и вновь мысленно возвращалась к этим мгновениям в оранжерее, испытывая головокружение при воспоминании о том, каким был его поцелуй, и ей страстно хотелось ощутить это чувство вновь. Она, конечно, знала, что это *еще не все*, но до сих пор рассматривала супружеское ложе лишь как свой долг и очень отдаленное будущее. И вдруг оказалось, что эта перспектива манит и влечет ее к себе, и она уже начала грезить наяву, как уединяется в деревне с ирландским дворянином в качестве своего супруга,

полагая, что более ей не о чем мечтать.

Самодовольная уверенность лорда Графтона в том, что София никогда не забудется настолько, чтобы проникнуться симпатией к какому-либо молодому человеку прежде, чем он, отец, даст ей на то свое позволение, оказалась разрушена самым бесцеремонным образом. Теперь София по малейшему поводу рассыпалась в похвалах ирландскому дворянину, перечисляла его достоинства, в коих он превосходил остальных мужчин, и требовала от отца, чтобы он сказал, встречал ли когда-либо равного этому джентльмену. Говоря о нем, она краснела, но остановиться не могла и упоминала о молодом ирландце постоянно. Лорд Графтон, который доселе не уделял ему особого внимания, не считая обычной любезности с теми, кто часто танцует с его дочерью, навел справки и пришел в ужас.

Хотя ирландский титул и в лучшие времена выглядел весьма сомнительно, лорд Графтон узнал, что никакого титула не было и в помине. Молодой человек был самозванцем и мошенником. Он имел нескольких скаковых лошадей и содержал одну дорогую актрису, причем никто не знал в точности, на какие именно средства, поскольку состояния у него не было точно так же, как и титула. Он был завсегдаем игорных заведений, частенько проигрывался в пух и прах и задолжал многим

торговцам. Поговаривали, что у него была доля в нескольких борделях на Шеперд-маркет и что у него уже есть жена-ирландка.

Весьма встревоженный тем, что София прониклась симпатией к такому субъекту без его ведома, лорд Графтон в самых суровых выражениях поведал дочери, почему она должна забыть об этом человеке. Он не выбирал слов. Хотя молодой ирландец и казался тем самым ослепительным рыцарем на белом коне, коих так обожают романисты, на самом деле он был охотником за приданым и негодяем, который оставит ее без гроша, с погубленной репутацией и разбитым сердцем, а еще множеством детей и постыдной болезнью в придачу. Лорд Графтон выложил дочери все собранные сведения и предоставил самой судить о том, как ей повезло, что она избежала подобной незавидной участи.

София немножко поплакала, утерла слезы и напомнила отцу, что никогда не читает романов. Но протестовать она не стала. Напротив, ей было настолько приятно сознавать, что отец воззвал к ее здравому смыслу, предоставив решать самой, что она согласилась с ним без возражений и истерик, хотя и не без некоторой грусти. Она заверила его, что и думать забудет об этом ирландском джентльмене, или кем он там был на самом деле. Лорд Графтон ласково похлопал ее по плечу,

проникшись чувством благодарности к дочери за столь явное проявление здравомыслия.

Тем не менее перед глазами у нее то и дело вставали те волнительные моменты в оранжерее, поцелуи и ощущения, ими порожденные. София стала смотреть на кандидатов на свою руку в новом свете, воображая, каково это — целоваться с ними. Едва ли это будет столь же захватывающее впечатление, как с ирландским джентльменом, подумала она, но все-таки решила проверить себя, целуясь с наиболее вероятными женихами. Но ни один из ее экспериментов не вызвал в ней тех головокружительных ощущений, какие ей довелось испытать с ирландцем, а некоторые из мужчин и вовсе были шокированы смелостью Софии, что быстро отбило у нее охоту продолжать эксперименты, и она решила поставить на этом точку. К удивлению всех, кто проявил интерес к возможному обручению Софии, ее первый сезон в свете не принес результата.

А леди Бернхэм была раздосадована и встревожена куда сильнее лорда Графтона. Она порицала пристрастие Софии к увеселениям, танцам и красивым нарядам в ущерб духовным материям. В глубине души она полагала, что позволить девушке выйти в свет — это то же самое, что показать племенную корову стаду быков, а в случае с Софией корова была не просто племенной,

а еще и с золотым колокольчиком приданого на шее. Впрочем, чтобы выдать крестницу замуж, увезти ее подальше от Лондона и его искушений, заставить Софию сосредоточиться на доме, муже и семье, как и подобает порядочной женщине, все средства были хороши. Не говоря уже о том, что, выйдя замуж и поселившись в сельской местности, София в силу своего положения получит возможность увести духовную жизнь своей деревни и прихода в Сассексе в сторону от высокого англицизма. И для этой цели в качестве свадебного подарка леди Бернхэм намеревалась вручить Софии книгу евангелических проповедей.

Она без устали напоминала лорду Графтону, что в прежние времена, когда сама леди Бернхэм была совсем еще юной девушкой, помолвки устраивались совершенно по-другому: родители брали на себя ответственность представить достойных молодых людей друг другу дома, в приватной обстановке, и браки заключались, если можно так выразиться, не на виду, а за кулисами.

А еще София имела насчет мужчин собственное мнение, наличие коего во времена молодости леди Бернхэм было бы сочтено свидетельством дурного воспитания, и леди Бернхэм заметила, что ее отцу совершенно необязательно поощрять дочь еще и в этом. Выслушав ее, лорд Графтон расхохотался. После

усилий, вложенных в образование дочери, он бы даже удивился, если бы у Софии не сложилось собственного мнения о мужчинах или о чем-либо еще. Подобное его отношение приводило леди Бернхэм в отчаяние. А как же быть с тем благоприятным мнением, сложившимся у Софии о некоем ирландском дворянине? А что, если Софии взбредет в голову проникнуться симпатией к очередному недостойному мужчине? И будет ли отец поддерживать ее и в этом случае? Иногда она может быть упрямой. Но лорд Графтон отмахнулся от сомнений, высказанных леди Бернхэм. Он уже пополнил свой список кандидатов новыми лицами.

Но ни один из них Софии не понравился. По мере того как близился к завершению ее второй сезон, леди Бернхэм напомнила Софии, что она пришла в этот мир с определенной целью. Полунамеками и прямым текстом ей было сказано многое на предмет маленьких Графтонов и ее долга. «Долг превыше влечения» — таким стал постоянный лейтмотив всех нравоучений леди Бернхэм.

Но чувство долга взывало к Софии слабым голосом из далекого далека. Полагая, что они помогают Софии осознать и исполнить свое предназначение, подсовывая ей унылых претендентов и заводя бесконечные разговоры о долге, лорд Графтон и леди Бернхэм, в сущности,

внушали девушке отвращение к институту брака как таковому. Чем больше она думала об этом, тем все менее привлекательной казалась ей перспектива оказаться в заточении в сельской местности, чтобы зачать и вынашивать потомство от какого-нибудь мужчины средних лет, с которым она была едва знакома. Она не жаловала деревню, которую помнила как исключительно грязное, усеянное коровьими лепешками и огороженное колючими живыми изгородями место, где постоянно идет дождь. Она знала о намерении леди Бернхэм добиться того, чтобы она отвратила своих прихожан в Сассексе от англиканской церкви, но София не имела ни малейшего желания вмешиваться в работу приходского vicar, не говоря уже о том, чтобы сделать местных жителей ярыми евангелистами!

Несмотря на потуги нескольких семейств обсудить с лордом Графтоном возможность брачного союза со своими третьими или четвертыми сыновьями, второй сезон Софии закончился так же, как и первый, — без обручения.

Когда София с помощью новой портнихи начала готовиться к своему третьему сезону, леди Бернхэм потеряла терпение и предостерегла ее насчет того, что девушка в брачном возрасте начинает утрачивать блеск юности и привлекательности, безрезультатно выходя в свет в

течение нескольких лет.

— Ты слишком много думаешь о себе. Ты же не можешь бесконечно предаваться удовольствиям, строить планы очередных увеселений или визитов к портнихе. На протяжении последних двенадцати месяцев ты отклонила предложения трех достойных мужчин, которые вполне устраивали твоего отца, да и меня тоже, а я, смею тебя уверить, как-никак разбираюсь в подобных вещах. Они были согласны на все условия, и из них бы получились превосходные мужья. Если твой отец дает такому мужчине разрешение сделать тебе предложение, ты должна...

— Я все понимаю, дорогая леди Бернхэм! Но... Папа настолько привередлив в этом вопросе, что исключает всех мужчин, кроме тех, за которых не вышла бы замуж ни одна женщина, и по очень веским причинам. Из этих троих, коих вы упомянули, один был настолько полон сомнения, что я и пяти минут не могла выслушать его без смеха, а ведь ни одна женщина не согласится вести столь развеселый образ жизни. Другой был стар, ему исполнилось по крайней мере уже тридцать восемь, и любимой темой для разговора у него было сохранение собственного здоровья, которому он уделяет огромное внимание. С таким же успехом ему могло бы быть и все девяносто. Последний оказался толстяком, что перевешивает тот факт, что

он является сыном графа. Ни одного из них я не могла и представить себе в качестве собеседника, не говоря уже о партнере по постели!

— *Партнер по постели* ! — Леди Бернхэм всплеснула руками.

— Хорошо, пусть будет муж, если вам так больше нравится... И вообще, в замужестве следует думать и о партнере по постели, знаете ли. Ох, только не говорите мне о неделикатности, леди Бернхэм. Я знаю, что вы меня прекрасно понимаете, и не надо делать вид, будто это не так! Я никогда не выйду замуж без папиного одобрения, но только я сама буду решать, кто мне подходит, а кто нет. Вместе с ним я завязну в болоте деревенской жизни, и потому он должен мне очень сильно понравиться. Следовательно, я буду ждать, пока такой человек не появится.

При этих словах София старательно гнала от себя мысли об ирландском дворянине. Поцеловав крестную, она отправилась выбрать несколько новых вееров из партии, только что доставленной в ее любимый галантерейный магазин. Ее рассуждения заставили леди Бернхэм лишь покачать головой да спросить себя, как же так получилось, что все зашло настолько далеко. Любовь, привязанность или чувства под схожими названиями — кому как нравится — вполне могут возникнуть и после женитьбы, как случилось у

лорда Графтона с Кэтрин или у самой леди Бернхэм с ее мужем. Во времена леди Бернхэм девушка безоговорочно слушалась своих родителей, выходила замуж за того, кого выбирали ей они, и обычно все становилось хорошо после рождения первого ребенка. А если даже и не становилось, то, полагала леди Бернхэм, осознание исполненного долга было само по себе достаточным утешением.

Однако, мрачно заключила леди Бернхэм, от Софии подобного послушания ожидать не придется. Впрочем, взгляды девушки на «партнера по постели» подсказали ей неожиданную идею, которая могла сдвинуть дело с мертвой точки. Хотя она едва ли могла высказать подобный аргумент в разговоре с лордом Графтоном, но во времена ее молодости мужчины в сельской местности выглядели куда здоровее и привлекательнее: вероятно, некоторым образом это объяснялось занятиями охотой, забавами на природе и прогулками на свежем воздухе. На удивление здоровые зубы и нередкий запах конского пота, если она правильно помнила. Пожалуй, молодой человек именно такого сорта имеет все шансы понравиться Софии. Тогда как обитатели Лондона куда больше походят на павлинов и щеголей, да и красятся они, пользуются духами и пудрой порой не меньше женщин.

Она пригласила лорда Графтона выпить с нею

чаю и, когда он уселся с чашкой в руке и пирожным на чайном столике перед ним, перевела разговор на Софию, заявив, что условия, выдвинутые лордом Графтоном, создают дополнительные проблемы, поскольку кружок почитателей Софии сокращается с каждым новым сезоном.

— Как мне представляется, здесь, в Лондоне, более не осталось мужчин, коих вы полагаете подходящими, а София считает привлекательными. Быть может, стоит подумать о перемене обстановки, прежде чем появится очередной ирландец?

— Вы имеете в виду за границу? — со страхом и унынием осведомился лорд Графтон. Он никогда не добьется поставленной цели, если София выйдет замуж за иностранца.

— Ни в коем случае! Я имею в виду Сассекс. Ведь она бывала там всего несколько раз, да и то накоротке. Сейчас она рассматривает поместье как некую форму ссылки. А вот если она узнает его получше, познакомится с тамошним образом жизни, с соседями и арендаторами, осознает свое положение и степень влияния, равно как и поймет, сколько добра может принести, то это может благотворно подействовать на нее. Ведь поместье просто очаровательно, а она не была там вот уже четыре года. И кто знает, возможно, теперь, когда она стала достаточно взрослой, чтобы бывать в

обществе, среди деревенских семей найдется молодой человек, который... э-э... понравится ей куда больше, нежели лондонские мужчины. Это поможет ей увидеть Сассекс в новом свете.

И тогда, возможно, она обретет супруга с достойным, сильным характером. Во всяком случае, там у нее будет намного меньше шансов познакомиться с мужчиной с дурными наклонностями, чем здесь, в Лондоне. Если он окажется человеком благородного происхождения, да к тому же понравится ей, то его титулом и состоянием можно будет пренебречь. Ее сын, если он будет носить фамилию Графтон, унаследует титул. А у вас, насколько мне известно, имеются соседи в Сассексе, у которых есть неженатые сыновья подходящего возраста.

Лорд Графтон отставил в сторону свою чашку и задумался. Мысль о долгих каникулах в деревне не внушала особого энтузиазма, и ему самому она бы ни за что не пришла в голову. Но чем дольше он раздумывал над предложением леди Бернхэм, тем яснее ему становилось, что образ молодого человека, нарисованный ею, был именно тем, что он искал. Крепкий и энергичный молодой человек из английской глубинки, из тех, кто предпочитает Сассекс Лондону; любящий свою семью, собак и лошадей, чьим самым большим пороком стало бы увлечение охотой. Мужчина, способный зачать и

содержать большую семью, посвятив себя своей супруге, детям и поместью. Солидный и основательный. Именно такой, каким и должен быть будущий глава семейства Графтон. И да, среди его знакомых деревенских фамилий и впрямь имелись неженатые сыновья.

Лорд Графтон пообещал подумать над возможностью визита в деревню, если таковая представится. Его ответ вполне удовлетворил леди Бернхэм.

— Я рада, что мы придерживаемся одинаковых взглядов на столь важный вопрос. Вы должны извинить меня за откровенные слова о вашей дочери, но я любила Кэтрин, люблю Софию и не меньше вашего беспокоюсь о том, чтобы она была надежно устроена в жизни. Более того, будет намного лучше, если она станет вести образ жизни, который позволит ей подать пример христианской добродетели, и задумается о том, какую пользу сможет принести миру, вместо того чтобы забивать себе голову мыслями об удовольствиях и красивых нарядах. А теперь прошу извинить меня, но мне пора отдохнуть и лечь в постель. Долгие разговоры чрезвычайно утомляют меня. В последнее же время я устаю особенно сильно.

Неделей позже лорда Графтона и Софию потревожили во время очередного званого ужина для перспективных мужей. София вежливо

улыбалась, в душе мечтая о том, чтобы это мучение поскорее закончилось, когда посыльный доставил записку от горничной леди Бернхэм. Леди Бернхэм внезапно лишилась чувств, и, хотя позже сознание вернулось к ней, она более не может пошевелить ни правой ногой, ни правой рукой. Слуги послали за доктором, но горничная опасалась за жизнь своей госпожи и умоляла их приехать немедленно. Лорд Графтон и София принесли извинения, оставили гостей и поспешили в апартаменты леди Бернхэм в Сент-Джеймском дворце, где и обнаружили благородную даму лежащей на софе и укрытой любимой шалью. Она выглядела хрупкой, маленькой и бледной как смерть, с перекосившимся ртом. Ее горничная заливалась слезами. Леди Бернхэм пошевелила левой рукой и проговорила нечто неразборчивое.

— Моя госпожа имеет в виду свой молитвенник, который лежит на столе. Она так и не смогла расстаться с ним после того, как умерла ваша мать, леди Кэтрин, но только вчера она просила меня напомнить вам, что вы получите его после ее смерти, мисс, — утирая слезы, сообщила горничная.

София взяла молитвенник в руки, и леди Бернхэм слабо кивнула. Под обложкой красовалась дарственная надпись Кэтрин Васси, а под нею рукою леди Бернхэм было начертано несколько

строк для «дорогой Софии», с пожеланием никогда не забывать о том, что самый верный путь к душевному и сердечному покою лежит в стремлении к добродетельности и предпочтении долга перед влечением. Слова «долг превыше влечения» были подчеркнуты.

Когда София подняла голову, глаза леди Бернхэм были уже закрыты.

— Дорогая леди Бернхэм, вы всегда были для меня второй матерью! — София поцеловала ее и расплакалась, со стыдом вспоминая, как была груба с леди Бернхэм и как порой ненавидела свою крестную за вмешательство в их жизнь.

Прибыл доктор, но он уже ничего не мог сделать. Не прошло и часа, как леди Бернхэм скончалась.

Свое состояние леди Бернхэм разделила поровну между евангелистами — «для распространения Евангелия и облегчения участи бедняков» — и Обществом за уничтожение торговли африканскими рабами в обеих Америках, за исключением небольшой суммы для своей гувернантки и еще меньшей — для Софии, на память, вместе с молитвенником, принадлежавшим Кэтрин.

София сама удивилась тому, как остро переживает кончину крестной матери, тогда как лорд Графтон оказался полностью раздавлен

смертью своего старого друга. После похорон, несмотря на холодную январскую морось, он простоял у ее могилы до наступления сумерек, размышляя о бренности всего живого и вспоминая Кэтрин. Промокший и продрогший до костей, он наконец распрощался с женщиной, которая и познакомила их, а потом до самого последнего дня посвятила себя их дочери.

Обратная дорога домой заняла много времени, а ведь он промок до нитки, и на следующее утро у него поднялась температура и заболело горло. Сильнейшая простуда приковала лорда Графтона к постели на несколько недель; временами его сотрясал хриплый кашель, мучили слабость и летаргия, от которых он так и не оправился. С ним то и дело случались приступы подагры, а лихорадка, пропадая на какое-то время, возвращалась вновь. Он обнаружил, что готов целыми днями сидеть в инвалидном кресле на колесиках в библиотеке, не испытывая ни малейшего желания покидать его.

Будучи слишком слабым, чтобы сопровождать Софию в Лондоне или бодрствовать допоздна, он нанял респектабельную вдову одного офицера, миссис Грей, дабы та стала компаньонкой и дуэньей Софии. Когда же София позволила себе выразить беспокойство по поводу его состояния, он заявил в ответ, что ему пошел уже седьмой десяток

и потому на излечение сильной простуды, вполне естественно, требуется больше времени. Но София настояла на том, чтобы они вызвали известного доктора. Тот осмотрел виконта, покачал головой, поставил диагноз «астения» и прописал ему смену климата.

Случившееся подвигло лорда Графтона последовать совету леди Бернхэм и без дальнейших отлагательств начать готовить переезд в деревню. Софии он сказал, что свой особняк в Сент-Джеймсе они запрут, а весну и лето проведут в Сассексе. Он сожалел о том, что вынужден нарушить ее планы на увеселительные мероприятия, но она заверила его, что они должны сделать все возможное, дабы вернуть ему здоровье. Лорда Графтона тронула забота дочери, и он пообещал ей, что все семьи в графстве непременно наведаются к ним с визитами и пришлют им ответные приглашения. Миссис Грей отправится с ними, так что светские развлечения Софии ничуть не пострадают из-за отсутствия дуэньи.

Он написал своим знакомым в Сассексе, исподволь справляясь о здоровье их семейств, чтобы выяснить, у кого еще оставались неженатые сыновья. Он намеревался навестить их и восстановить старые фамильные связи. Кроме того, лорд Графтон собирался пригласить своих соседей на ужин. Окончание сезона должно было

ознаменоваться небольшой охотой. София всегда любила охотиться. Он сделает все от него зависящее, дабы представить дочь как можно большему количеству мужчин в Сассексе. Она ведь не может выйти замуж за кого-либо, предварительно не познакомившись с ним.

Сундуки были упакованы. Миссис Беттс проследила за тем, чтобы вся мебель в гостиной была закрыта чехлами, а портреты завешены простынями, дабы уберечь их от пыли. Слуг перевели на частичное жалованье, оплачивая им лишь столовые и квартирные расходы до тех пор, пока осенью лорд Графтон не вернется в город. После этого миссис Беттс отправилась в Сассекс первой, дабы подготовить дом к их приезду. София и миссис Грей побывали на последнем званом вечере, где присутствующие выразили сожаление относительно того, что на протяжении следующих нескольких месяцев будут лишены удовольствия лицезреть мисс Графтон в Лондоне. Уже на следующий день они отбыли в деревню.

Глава пятая

Сассекс, 1753 год

До сих пор лорд Графтон не получал от своих

коротких наездов в Сассекс настолько большого удовольствия, чтобы испытывать искушение продлить их. Хотя он никогда не забывал о своих обязанностях землевладельца и заботился о том, чтобы его управляющий предпринимал шаги, необходимые для обеспечения благосостояния арендаторов поместья, а также надзирал за должной обработкой земли, сама атмосфера сельской местности и помещики, составлявшие круг его общения, казались ему невыносимо скучными по сравнению с Лондоном и его друзьями-космополитами. И потому сейчас, отправляясь в деревню с длительным визитом, он уже заранее готовил себя к тому, что тот окажется утомительным, хотя и необходимым. Виконт готов был отправиться хоть в африканские дебри, если это поможет удачно выдать Софию замуж.

Но, прибыв на место, он вдруг обнаружил, что пребывание в доме предков оказывает на него благотворное и успокаивающее действие. Пожалуй, он переутомился куда сильнее, чем готов был признать, и уже не настолько нуждался в эмоциональном возбуждении и азарте, как в молодые годы. Теперь, когда он признал, что старость уже не за горами, ему доставляло куда большее удовольствие, нежели раньше, обращать внимание на вещи, кои внушали ему ощущение постоянства и жизнеутверждающую связь времен:

церковь четырнадцатого века; льняную складчатую драпировку в библиотеке с книгами, которые его предки собирали на протяжении многих веков; широкую лестницу с резными перилами, украшенными гирляндами цветов и фруктов; портреты предков; комнаты, где веками копился аромат разожженных каминов; натертую воском мебель; запах апельсинов, специй и лаванды, исходящий из кувшинов с цветочными лепестками, призванными освежить атмосферу в доме и прогнать болезнь.

Для середины марта погода выдалась на удивление теплой. Повсюду уже цвели примулы, и окна в свинцовых переплетах, из которых открывался вид на сады и олений заповедник позади, стояли распахнутыми настежь. Дом был наполнен весенним солнечным светом и веточками цветущего миндаля, стоявшими в больших вазах. Миссис Беттс раздавала распоряжения направо и налево, требуя, чтобы садовник принес из теплицы спаржу, землянику и ревень, шумно радуясь тому, что птичий двор исправно и в изобилии поставляет на стол уток и цыплят.

Свежий воздух, здоровая пища и тишина сотворили настоящее чудо после сутолоки, шума и грязи Лондона, и уже через несколько недель София с удовлетворением отметила, что здоровье отца разительно улучшилось. На его щеки вернулся

румянец, а хриплый изнурительный кашель, сотрясавший его со дня похорон леди Бернхэм, исчез почти без следа.

Хорошая погода представила Сассекс в его лучшем свете. Зацвели декоративные сады, зазеленели живые изгороди и только что засеянные поля. Вдалеке виднелись пологие известковые холмы, усеянные овцами и ягнятами, на расстоянии казавшимися светлыми пятнами. Однажды лорд Графтон, отправившись на верховую прогулку, взял с собой Софию, чтобы показать ей забавную фигуру «длинного человека», вырезанную на меловом склоне доисторическими людьми, а также полюбоваться бескрайними видами окрестностей и показать ей домашнюю ферму и отдаленные границы поместья Графтонов. Он вспомнил о развлечениях молодости, охоте, балах и стрельбе по фазанам. К вящему восторгу своего егеря, он даже распорядился смазать и привести в порядок к сентябрю ружья для охоты на фазанов.

Уже через неделю после их приезда в Графтон-Манор старые знакомые из соседних поместий нанесли визиты лорду Графтону и Софии. Лорд Графтон чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы принять их приглашения на ужин, и в соседних усадьбах в их честь устраивались вечерние приемы, за которыми последовал абонементный бал в таверне графства, где София

вволю натанцевалась и испытала свои чары на местных молодых людях. Как и предсказывал отец, чередой развлечений вскоре захлестнула ее с головой — танцы и охота, пикники, ужины и частные театральные постановки, которыми так увлекались молодые люди в сельской местности.

София вдруг обнаружила, что отдых в деревне оказался куда приятнее, нежели она ожидала. Погода стояла замечательная, так что грязи почти не было. В ее распоряжении имелось несколько миленьких платьев, сшитых, как уверяла ее лондонская портниха, по простой и незатейливой моде и вполне подходящих для утренних визитов в деревне, а также несколько очаровательных широкополых шляпок с лентами для прогулок на свежем воздухе.

А еще София обнаружила, что ей открылся целый новый мир. Если она не разгуливала по окрестностям, то развлекалась тем, что заказывала изысканные французские или итальянские блюда, которые, по ее мнению, способствовали возбуждению аппетита у отца, или же выбирала в теплице фрукты, чтобы подать к ужину. Ее новой страстью стали цветы. Она уделяла особое внимание кустам розовых роз, которые по ее распоряжению посадил садовник. Она выбирала, какие цветы следует срезать, дабы выставить на обозрение в доме, и сама составляла из них

композиции. София выписала из Лондона акварельные краски, кисточки и множество листов дорогой рисовальной бумаги, после чего вместе со своими новыми подругами, юными сестрами Хокхерст, которые были их ближайшими соседями и проживали в замке Хокхерст-Касл, увлеклась зарисовками полевых цветов. Она ходила в гости к новым знакомым по соседству, очаровывала всех своими манерами и заслужила всеобщее одобрение. С почтой прибыли журналы мод, и в редкие дождливые дни она развлекалась тем, что придумывала, какие новые платья закажет для себя, когда они осенью вернутся в город.

Однажды миссис Беттс недвусмысленно напомнила ей о деревенских жителях, которым очень хотелось бы знать, станет ли мисс София такой же доброй хозяйкой, какой была ее мать. Пребывая в благосклонном расположении духа, София правильно поняла намек и стала сопровождать экономку, когда та доставляла традиционные корзинки с детскими вещами, накрытыми платочком, для молодых матерей, или же суп, портвейн и сладкий крем для пожилых или больных арендаторов. По совету лорда Графтона София нанесла официальный визит в деревенскую школу, дабы послушать, как дети декламируют стихи, после чего они вполне могли рассчитывать на то, что в карманах у нее непременно отыщутся

сласти для них, когда они встречали ее во время прогулки или рисования. Она наслаждалась своей значимостью и популярностью, обдумывая, какие еще новшества можно внедрить в школе.

Деревенские жители сошлись во мнении, насколько это хорошо, что семья вновь вернулась в свою резиденцию. Мисс София со своими акварельными рисунками цветов и сладостями желала всем только добра, и дети прониклись к ней симпатией. Они полюбили ее еще сильнее, когда миссис Беттс сообщила ей о том, что многие из них слегли с лихорадкой и сыпью, и София немедленно послала за местным аптекарем, дабы определить, не является ли болезнь той самой страшной натуральной оспой. Аптекарь поставил диагноз «корь», и София своими руками готовила яблочную воду и освежающий кисель из ревеня, после чего обошла в сопровождении миссис Беттс деревенские дома, где и наделила маленьких пациентов этими вкусностями. Деревенские жители, которые во время кризисов во всем полагались на добрую волю и помощь семейства Графтон, начали замечать в ней сходство с покойной леди Кэтрин, коего не видели прежде.

Софии эти благонамеренные и развлекательные новые мероприятия помогали убить время в ожидании того момента, когда они вернутся в Лондон. Для лорда же Графтона они

стали признаком того, что она понемногу осваивается со своей новой ролью. Она, в свою очередь, даже не подозревала о том, что он рассчитывал вернуться в Лондон осенью в одиночку.

Уже через месяц после их приезда лорд Графтон с веселым изумлением обнаружил, что ему приходится развлекать множество нервничающих молодых людей, испрашивающих его разрешения на то, чтобы оказать Софии знаки внимания, и заметил, что его дочь привлекает деревенских ухажеров с той же неотвратимостью, с какой пчелы слетаются на цветок розы. Он надеялся, что один из них понравится ей, поскольку только теперь понял, что имела в виду леди Бернхэм, когда говорила, что Софии нужно познакомиться с мужчинами совершенно иного склада. Было нечто чрезвычайно привлекательное в этих рослых, крепких и прямодушных сыновьях местных семейств, которые любили свою землю и страну и для которых условия замужества Софии не служили столь очевидным препятствием, как для уроженцев Лондона. Напротив, соседи целиком и полностью одобрили и поддержали выставленные им оговорки как мудрые и здравые.

К середине июня надежды его окрепли. София, похоже, увлеклась молодым Джоном Хокхерстом, наследником соседнего поместья

Хокхерст-Касл. Джон находил предлоги, чтобы почти каждое утро нанести визит лорду Графтону, доставляя послания от своего отца, дядьев или егеря. Он привозил отборную землянику, которая в избытке имелась у садовника Хокхерстов, или жирных голубей, подстреленных им в поле. В течение примерно четверти часа двое мужчин обсуждали дела своих поместий, после чего как бы случайно появлялась София в одном из своих новых платьев — прекрасная, как утренняя заря. Девушка притворялась, что удивлена, увидев Джона рядом с отцом, мило благодарила его за очередной привезенный подарок и приказывала подать напитки и легкую закуску, которые всегда принимались, хотя, к изумлению лорда Графтона, печенье с тмином оставалось почти нетронутым, а к великолепной мадере лорда Графтона не прикасались ни Джон, ни София. Мерещилось ли это лорду Графтону или же София действительно смущенно краснела в присутствии Джона?

Подобное развитие событий он приветствовал всей душой. Пожалуй, от возраста и степенности, как необходимых качеств супруга Софии, можно поначалу и отказаться. Все равно Джон со временем обретет и то и другое. Собственно говоря, лорд Графтон готов был ослабить многие из тех условий, что он изначально предлагал будущему мужу Софии. Он начинал беспокоиться и не прочь

был ускорить естественный ход вещей.

Правда заключалась в том, что после обнадеживающего улучшения здоровья, наблюдавшегося весной, уже к июню он вновь стал чувствовать себя хуже. К нему вернулся прежний кашель, хотя он и приписывал его тому, что промочил ноги в утренней росе, когда однажды отправился через поле взглянуть на то, как обустроились барсуки в оленьей роще. Ему все чаще стало не хватать воздуха, и он все больше уставал днем, а по ночам с ним иногда приключалась лихорадка. В связи с этим лорд Графтон все неохотнее принимал приглашения. Званные ужины утомляли его несказанно. Он надеялся, что все эти симптомы — лишь напоминание о том, что все люди смертны, не более того, и с ними, какими бы неприятными они ни были, в его возрасте следует смириться. Тем не менее внутренний голос настойчиво нашептывал ему о том, сколь неустойчивое положение он занимает в длинном ряду Графтонов и что ему, как и всем, не суждено жить вечно. Он надеялся, что внук, о котором он так давно мечтал, придет в этот мир в самом скором времени.

Приближался Иванов день, и у лорда имелись все причины полагать, что между Джоном и Софией наконец-то все будет решено.

Давеча Джон нанес визит лорду Графтону и в

отсутствие Софии, которая отправилась на верховую прогулку вместе с его сестрами, запинаясь, озвучил свою обычную просьбу поговорить с Софией на следующий вечер. Джон сообщил лорду Графтону, что ожидал этого момента, чтобы сделать Софии предложение руки и сердца, потому что на праздник Ивана Купала приходился день его рождения, а разве можно найти более подходящий повод для наследника предложить любимой женщине выйти за него замуж? Он действительно любит Софию, решительно заявил молодой человек, притом очень сильно. Лорду Графтону понравилась уверенность, с какой это было сказано, и ему пришлось по душе то, как тщательно Джон выбрал время и место для своего предложения.

Дело в том, что на протяжении вот уже многих поколений у Хокхерстов вошло в обычай отмечать самую короткую ночь в году Летним балом, устраиваемым для окрестных семейств графства, и выбор Джоном именно этого вечера поразил лорда Графтона своей уместностью и романтикой, что должно было произвести должное впечатление и на Софию. Собственно говоря, именно намерение соблюсти традиции и делало союз между Графтонами и Хокхерстами столь желанным в глазах виконта. Он вполне одобрял то, что олицетворяли собой Хокхерсты —

преемственность и неразрывную связь со старинными обычаями, и к тому же успел проникнуться к Джону симпатией.

На взгляд обитателя Лондона, замок выглядел запущенным: медальоны в виде роз эпохи Тюдоров обветшали, сад и парк разрослись и требовали ухода, в фонтане вместо веселых прозрачных струй плескались утки. Замок Хокхерстов, некогда бывший оборонительным бастионом на пути французского вторжения после Крестовых походов, постепенно превратился в разросшийся сельский дом, приютивший под своей крышей пятнадцать поколений, которые жили здесь и пристраивали к нему то одно крыло, то другое.

Хотя титул к нему не прилагался, поместье Хокхерстов было лакомым кусочком, возрастом почти не уступавшим имению Графтонов, и оно принадлежало им еще со времен Крестовых походов. Брачный союз Джона и Софии объединит два старинных семейства и их поместья в единое целое для будущих наследников. Лорд Графтон полагал, что Джон принадлежит к тем людям, у которых непременно будут наследники: он выглядел здоровым и крепким малым.

Что же касается условий брачного контракта Софии, то Джон заверил лорда Графтона, что обсудил их со своим отцом. Хотя он и был наследником Хокхерстов, его отец более всего на

свете желал сыну счастья и потому не возражал против того, чтобы Джон отказался от фамилии Хокхерст при условии, что его сын или дочь унаследуют объединенные поместья. Джон изложил все эти соображения лорду Графтону с подкупающей откровенностью, заявив, что желает прояснить щекотливые вопросы и сделать их приемлемыми для обоих семейств. Лорд Графтон одобрил подобное отношение наравне с искренностью, которую читал в открытом и прямом взгляде Джона. Теплое позволение сделать Софии предложение было даровано ему немедленно, и лорд Графтон от всего сердца пожелал Джону успеха.

После ухода молодого человека лорд Графтон поздравил себя с тем, что последовал совету леди Бернхэм. У него вдруг разыгралось воображение. Долгой помолвки не будет. Молодым людям она всегда была совершенно ни к чему. Бракосочетание может состояться в семейной часовне сразу же после завершения сбора урожая в августе. Надо будет устроить грандиозный свадебный завтрак для всего графства, скромное торжество в помещении для слуг и еще одно — в деревне. Портвейн и шампанское, чтобы выпить за здоровье молодых, он закажет у своих лондонских поставщиков.

Еще одно празднество обязательно состоится после крещения их первого ребенка. А когда такой

счастливым день настанет, он не возьмется настаивать на каком-либо определенном имени, великодушно решил лорд Графтон. Не будет он питать и надежд на то, что первенца назовут Перегрином. Учитывая, что фамилия ребенка будет Графтон, София и Джон могут назвать его так, как им заблагорассудится. В порыве необузданной щедрости он даже предложит имя Фредерик, в честь отца и деда Джона и в качестве комплимента Хокхерстам. Лорд Графтон уже представлял себя стоящим рядом с викарием, когда тот будет произносить слова старинного обряда. Пожалуй, крестными матерями станут симпатичные сестры Хокхерст. Лорд Графтон удовлетворенно потер руки, мысленно воображая гостей, столпившихся вокруг крестильной чаши двенадцатого столетия, молоденьких крестных, передающих новорожденного сначала друг другу, а потом возвращающих его Софии, и Джона, горделиво стоящего рядом с супругой. Лорд Графтон улыбнулся, представив, что ради такого случая дочь непременно закажет себе элегантное новое платье и шляпку. Можно не сомневаться, что это крещение станет лишь первым из многих.

В день бала он заглянул в календарь, откуда узнал, что в ночь на Иванов день состоится полнолуние. Когда София оделась и подошла к нему, чтобы попрощаться, он, глядя на нее, решил,

что она, должно быть, постаралась одеться с особым тщанием. В платье розового муслина, отороченном атласными розами, которое прибыло от лондонской портнихи, она выглядела очаровательно. Ее вьющиеся волосы были уложены крупными локонами и ниспадали ей на плечи, заколотые булавками с драгоценными камнями, а на шее красовалось жемчужное ожерелье матери. «И все это ради Джона», — удовлетворенно подумал лорд Графтон, высовываясь из окна библиотеки, чтобы помахать рукой вслед экипажу, увозящему Софию и миссис Грей.

Вновь поудобнее устраиваясь в кресле, дабы предаться приятным мыслям о молодых влюбленных, лорд Графтон вспомнил и собственную юность, когда он с братьями посещал Летний бал в замке. Он сомневался, что с тех пор многое изменилось. В перерывах между танцами влюбленные удалялись в обнесенный стенами сад, где, скорее всего, Джон и сделает предложение руки и сердца. В воздухе будет стоять волшебный аромат нагретой солнцем лаванды и свежескошенной травы на окрестных лугах. Пожалуй, снаружи по-прежнему будут висеть китайские фонарики. В такую теплую ночь высокие окна будут распахнуты настежь, и оттуда будет литься музыка. А внутри будут разыгрываться бесчисленные сцены, столь типичные для

деревенских балов: дородные джентльмены сядут играть в вист и кадриль в библиотеке; длинный стол красного дерева в столовой будет уставлен тарелками с холодной ветчиной и курятиной, приготовленными в качестве легкой закуски перед ужином, и вазами для фруктов и пунша посередине; в просторной галерее, где и проходят танцы, матроны станут томно обмахиваться веерами, а у стен будут группами собираться хихикающие девушки в ожидании приглашения; юноши будут тайком оценивающе поглядывать на них, прежде чем устремятся к ним в поисках партнерши; сверху вниз на молодых людей будут взирать те же самые портреты предков Хокхерстов, словно спрашивая: «Ну и кого же выберет наследник? Кто станет членом нашей семьи?»

Лорд Графтон поздравил себя с тем, что уже сегодня вечером он будет знать ответ.

Подобные соображения утешали его, напоминая, что жизнь продолжается, каким бы ни было состояние его собственного здоровья. Он вдруг понял, что с нетерпением ожидает завтрака, когда София попросит у него благословения. Готовясь пораньше лечь в постель, как уже вошло у него в привычку, он едва сдержался, чтобы не сообщить камердинеру о том, что совсем уже скоро мисс София выйдет замуж.